

Олег РОЙ

ТРИ КРАСКИ

Олег Юрьевич Рой

Три краски

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371034
Три краски / Олег Рой: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68606-3

Аннотация

Под Новый год Лариса получила от родной телекомпании подарок – набор красок для волос. И хотя ей как самой отстающей сотруднице подсунули бракованную упаковку, девушка не обеспокоилась качеством косметики. Все знают: по натуральному цвету волос многое можно сказать о характере человека. Думала ли Лара, что окрашивание в черный повлечет глубинные изменения и темперамента, и образа жизни! Не нарадуется теперь начальство успехам своей журналистки. Счастлива и она сама: не зависит от мужского внимания, чувствует в себе самодостаточность. Но в коробке осталось еще две краски – блонд и рыжий. Каких чудес ждать от их использования?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Олег Рой

Три краски

© Резепкин О., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Из дневника Джона Хемистри

10 октября 2011 года

...Моя Эмми... она меняется! Она становится другой! Я не могу поверить своим глазам, но она вышла оттуда! Она поняла, как нужно это сделать! Еще вчера, когда я открывал дверцу, Эмми пристально за мной наблюдала. Я заподозрил, что это внимание неспроста, но после решил, что ошибся, принял желаемое за действительное. А сегодня... Она сама отворила дверцу и совершила все именно так, как делал я: повернула ключ, при этом слегка приподняв засов! Неужели это действие вакцины? Неужели это сделал я?! Да, совсем забыл написать, кто я – ведь это важно, в случае если мои эксперименты удачны, страна... (зачеркнуто) мир должен знать своих героев!

Меня зовут Джон Хемистри, я ученый. Числюсь в штате косметического холдинга, по известным причинам не буду называть его полностью.

А Эмми – это моя любимая!

Моя подопытная мышь.

Я назвал ее по имени одного очень дорогого мне человека, но об этом потом.

15 октября 2011 года

Она уже свободно выходит из клетки. Сама отворяет за-
сов, сама затворяет. Странно, она даже не пытается убе-
ждать. Вчера Эмми подбежала ко мне и внимательно следила
за тем, как я работаю. Мне показалось, что она изучает ал-
фавит. Может ли моя милая крошка что-то понимать, ведь
она всего лишь мышь? Я решил поставить научный экспе-
римент. Сейчас сделаю табличку с надписью: «Кнопка вы-
зова – нажать, когда хочется есть» – и повешу ее в клетке.
Там же установлю кнопку. Смешно, но мне хочется верить,
будто что-то получится...

17 октября 2011 года

Мои ожидания тщетны. Она не нажимает на кнопку.
Впрочем, это отнюдь не странно, чего я мог ожидать от мы-
ши – разве она научится читать? Даже человек вряд ли бы
смог освоить чтение самостоятельно, основываясь только
на наблюдениях. Тут нужен учитель. Боже мой, о каком учи-
теле я пишу, когда речь идет о простой серой мыши?! Я, на-
верное, схожу с ума – с утра до ночи сижу над формулами,
мне даже по ночам снятся цифры. Стоит меньше работать.
Впрочем, надо дать Эмми алфавит, чтобы знать, что я хо-
тя бы пытался.

21 октября 2011 года

Не могу описать, какое волнение я сейчас испытываю. Се-
годня утром, как обычно, пришел в лабораторию и долго

сидел, изучая свою вакцину. Я придумал некую композицию, которая может изменить ее, и, возможно, в таком виде вакцина даст больше результатов (по известным причинам не стану писать ее формулу здесь). Я был так занят, что, признаюсь, совершенно позабыл насыпать в кормушку Эмми свежих зернышек, как делал обычно каждое утро. Вот я сидел и думал и вдруг услышал звук, настолько резкий и неожиданный, что подпрыгнул. От волнения у меня задрожали руки. Они дрожат и до сих пор – ведь это была Эмми! Она нажала на кнопку! Нет, я знал, я верил, я надеялся. ведь не зря я подкинул ей уменьшенную копию алфавита. Я даже видел, что она листает его, но умение читать недоступно даже обезьяне! Невероятно! Я, конечно, сразу же подбежал к клетке и дал Эмми поесть. А еще погладил по шерстке. И мне показалось, что ей приятно!

23 октября 2011 года

Она действительно читает. Я сделал три таблички: «Нажать один раз, если хочется есть», «Нажать два раза, если хочется пить», «Нажать три раза, если хочется получить палкой по голове». И, что удивительно, трехразовый сигнал не прозвучал еще ни разу. Зато по одному-два раза она нажимает постоянно. Из-за этого дурацкого эксперимента Эмми стала поправляться, а я – худеть, для меня уже невыносимо бегать к клетке и обслуживать эту мышь. Я начинаю подумывать о смене объекта эксперимента. Вчера завел вторую

особь, назвал ее Кристи. Это тоже самка. Теперь она сидит совсем близко к Эмми, их разделяет только стенка, и, похоже, Эмми это не по душе – по крайней мере, она периодически забрасывает свою соседку семечками. Я пока не спешу ставить эксперименты над Кристи, надо полностью изучить, что происходит с Эмми. Она опять нажала на кнопку, пойду дам ей поест.

30 октября 2011 года

Умна, хитра, властна – такой стала Эмми после того, как я втер в ее шерстку эту вакцину. Это величайшее открытие! Я, конечно, мог бы прямо сейчас раскрыть свои карты и получить огромные средства на развитие проекта, но не хочу торопиться – возможно, есть побочный эффект, который до сего момента еще не обнаружился. В таком деле спешка неуместна. Нельзя зазнаваться, хотя я (чего скрывать) уже начал прикидывать, на что потрачу Нобелевскую премию. Разве мама могла представить, что я вознесусь на высоты науки?! Мама... Даже ей я не могу пока рассказать про свое изобретение, к тому же она меня не поймет, ведь она не ученый, не физик, не химик и даже с косметическим холдингом, в котором я работаю и имени которого по известным соображениям не называю, никак не связана. Увы, обстоятельства сложились так, что моя мама – обычная уборщица, подметающая улицы Манхэттена. А папа... Кто его знает, какой он? Он бросил маму еще тогда, когда я только-только стал заяв-

лять о себе в ее чреве. Мама говорит, что он, наверное, теперь поэт или певец, потому что уж очень хорошо пел дифирамбы. А еще, возможно, бегун, потому что, узнав о ее беременности, едва не позабыв подхватить собственные трусы, бежал так быстро, что за ним не угнался бы даже чемпион по бегу.

Пока я был совсем маленьким и спрашивал про папу, мама отмахивалась, говорила, что он уехал далеко-далеко, на необитаемый остров. И с тех пор в моем сознании отец предстает передо мной худым, бледным, кареглазым (прямо как я), с развевающимися от ветра курчавыми черными волосами. Он нагишом бегаёт по песчаному берегу среди пальм и пышной растительности и при этом умудряется петь нечто вроде: «О соли, о соли миа!...»

Я пишу какие-то глупости, должно быть, но это Эмми загоняла меня до сумасшествия. Кстати, о ней – я сделал четвертую табличку: «Нажать четыре раза, если потребуется помыть посуду после еды», – и теперь, каждый раз после того, как Эмми поест, она нажимает кнопку четыре раза. Мне кажется, она издевается надо мной – на ее усатой мордочке появляется подобие ухмылки. Я подумываю провести трубопровод с маленьким краником в клетку, чтобы Эмми смогла сама мыть за собой посуду.

14 ноября 2011 года

Нет, она вконец загоняла меня. Крис дрожит от страха,

когда Эмми к ней приближается. Уж не знаю, чем та ее запугала. Она все меньше походит на мою Эмми, ту, ради которой я дал имя милой мышке. С Эмми (вернее, лучше написать Эмили, чтобы различать их) я познакомился в колледже. Она стала для меня единственным другом, кроме нее, никто мне не был нужен.

И вот как это случилось.

Надо сказать, со мной в принципе никто и не общался – это все из-за того, что я не такой, как все. Уж так вышло, что у беспутного отца и матери, которая способна только мести тротуары, родился сын гений. Я это пишу не потому, что самолюбив. Напротив, все свое сознательное детство я пытался доказать обратное – что я такой, как все. Но, увы, гениальность скрыть невозможно. Уже в четыре года я ремонтировал бытовую технику – начал со светильника, а затем разобрал все, что было в доме. Ко мне шли соседи с утюгами и чайниками, тостерами и прочей кухонной ерундой. К восьми годам я освоил весь школьный курс по математике, физике и прочим точным наукам.

Я не гуманитарий и, возможно, даже сейчас пишу с ошибками. Но на орфографию мне наплевать, тем более когда одним глазом я подглядываю за своей умной мышью, моющей посуду. В общем, к тому времени, как я пошел в колледж, я знал больше, чем многие профессора. Меня сразу же поразило то, с каким усердием мои одноклассники отмахиваются от науки: казалось, они пришли сюда не для того, чтобы

учиться, а для того, чтобы всеми силами противостоять уче- нию. Они проказничали, писали девочкам любовные записки, носились как сумасшедшие по коридору во время пере- мены, напоминая скорее стадо орангутанов, чем представи- телей homo sapiens. Для меня такое поведение было несвой- ственно. Я сидел над книгами, тренируя свой пытливый ум, а потому оставался в одиночестве. Я чувствовал себя отверг- нутым и в то же время понимал, что это – ерунда, что я го- раздо выше моих собратьев по колледжу, но отнюдь не по ра- зуму, я способнее, чем все они, вместе взятые.

Я обратил внимание на Эмили почти случайно. Проходя как-то по коридору, я поднял взгляд от своей вечной спутни- цы – толстой книги с дополнительными лекциями по высшей математике – и вдруг застыл, увидев ЕЕ. Эмили... Я помню ее такой, какой увидел тогда: невысокая, синеглазая, с бе- локурыми волосами, связанными в пучок. Она стояла в ко- ридоре с подругой и обсуждала мальчишек из класса. Эми- ли училась не в моей группе, и потому я увидел ее впервые. Я услышал, как ее подруга сказала, что вокруг одни крети- ны, а она тихо ответила, что вряд ли это так, что все люди хороши по-своему. Эта наивность, эта вера в людей меня за- цепила.

– Вот на этого посмотри! Ну разве не кретин? – спросила подруга, бесцеремонно ткнув в мою сторону. – Эй, парень, рот закрой – бегемот запрыгнет!

Эмили улыбнулась и вдруг посмотрела на меня как-то

особенно ласково. Так что я, замороженный ее взглядом, двинулся к ней как под гипнозом и... В итоге я сшиб ее, учебники высыпались из рук девушки, я судорожно начал собирать их, все время извиняясь. Ее подруга снова крикнула что-то обидное, обозвав меня, а Эмили засмеялась – во-все не обидно, а все так же ласково...

Вынужден отвлечься.

Эмми звонит, она снова просит пить. Мне кажется, моей мыши нужно придумать какое-то занятие, ей просто скучно, вот она меня все время и подзывает. Пойду поищу ей что-нибудь из литературы.

15 ноября 2011 года

Я не нашел ничего, кроме какой-то религиозной брошюры – толкование Библии и что-то вроде псалтыря. Сам я, как человек неверующий, подобной ерундой не балуюсь, но книжка маленького размера, Эмми будет удобно ее читать, тем более ничего другого более-менее художественного под рукой нет – все же у меня тут не Национальная библиотека. Поэтому я подкинул ей брошюру. Кажется, Эмми нравится. Сегодня она всего один раз поела и попила и даже забыла вымыть за собой посуду. Вот и отлично, значит, я пока могу вернуться к воспоминаниям о моей Эмили.

Она была замечательной девушкой – совсем не дразнила меня и не сторонилась. Она, правда, оказалась очень смешливой и не могла остановиться даже тогда, когда надо мной

издевались другие – хохотала словно сумасшедшая. Я сначала обижался, но потом понял, что у Эмили просто такой веселый нрав, и перестал обращать на это внимание. С третьего года наши группы объединили, и тут уж стало совсем здорово – Эмили была всегда рядом. Она даже села возле меня – не за одну парту, конечно (я полагаю, это бы ее очень стеснило), но за соседнюю, ту, что стояла за моей. Рядом с ней сидел Бен Дикент, веселый рослый парень. Я видел, что девчонки засматривались на него, но знал, моя Эмми не такая – она не поведется на накаченную фигуру, понимая, что внутренняя красота человека гораздо важнее внешней. Я верил, она видит, насколько у Бена неразвитая мозговая функция, и мог поспорить (да и сейчас могу), что мысли у этого парня были самыми низменными и глупыми. Каждый день Эмили невольно подтверждала мои предположения. Сидя с Беном, она то и дело дергала меня, придумывая массу идиотских поводов: то ей надо подсказать, то дать списать, то решить за нее задачу. Мне было приятно такое внимание, я делал вид, что верю, будто она не может справиться со всей этой ерундой сама, и, разумеется, помогал ей.

Я знал, что влюблен, и с каждым днем все более уходил в это чувство. От одного взгляда Эмили кружилась голова, немело горло, дрожали руки. О, это было прекрасное и самое глупое чувство, какое только дано людям! С Эмили я забывал о самом интересном: о формулах, о новых теоремах, о заданиях, которые так волновали меня раньше. Я радовал-

ся новому для меня чувству и в то же время презирал его, боялся, что это гадко, что я становлюсь смешным и глупым.

Возможно, это звучит нелепо, но я хотел даже сделать ей признание и просить ее руки. Такие мысли стали посещать меня уже к моменту окончания колледжа, в ту весну, когда все словно сумасшедшие стали готовиться к выпускному балу. Эмили уже тогда была для меня очень близким человеком. Мы вместе занимались алгеброй, вместе штудировали книги у меня дома. Она уже не морщила нос при виде моего убогого жилья, хотя поначалу, признаюсь, некое подобие брезгливости появлялось на ее красивом лице: ведь Эмили была из богатой семьи и привыкла к роскоши.

Я уговорил ее поступать в Гарвард, хотя, честно сказать, и сам не был уверен в ее силах, но я бы сделал все-все, чтобы она смогла туда пройти, ведь я был настолько влюблен, что не представлял жизни без моей Эмили. Она согласилась, и вот мы вместе грызли гранит науки. Точнее, грызла она, а я помогал, потому как все то, что она изучала, для меня было равносильно букварю – просто до предела...

Прерву мое повествование – только что я взглянул на клетку и остолбенел от изумления: Эмми (речь теперь идет, разумеется, о мыши) стоит и крестится. Она приняла религию! Невероятно! Надо бы и самому прочесть ту брошюрку... Или лучше не читать – достаточно и одного религиозного фанатика в нашей маленькой лаборатории.

16 ноября 2011 года

Это уже не мышь, это настоящая львица. Я чувствую, что устаю от нее. Мне нужно отдохнуть, взять отпуск, но я не могу себе этого позволить – столько событий происходит в моей жизни. И теперь мне крайне необходимо изложить их на бумаге (точнее, отобразить на мониторе), но на все не хватает времени. Развитие Эмми (мышь) достигло своей высшей точки. Дальше уже ничего не происходит, мне кажется, что начинается спад. Нет, меня это не расстраивает, я, честно сказать, жутко утомился с нею. Завтра попробую ввести вакцину Кристи – измененный состав. Не знаю, как отразится это на белой мышь, но надеюсь, ее поведение станет не таким агрессивным и властным, как у Эмми. А пока продолжу рассказ о моей Эмили.

Итак, мы готовились к экзаменам. Она приходила ко мне каждый день, смеялась и делала какие-то странные намеки. Один раз Эмили спросила у меня, был ли я когда-нибудь влюблен. Я очень смутился и, кажется, даже покраснел. «Интересно, Джонни, когда ты женишься? Хватит ли тебе смелости признаться девушке в любви и повести ее под венец?» – лукаво улыбаясь, интересовалась Эмили. А я старался изо всех сил сохранять спокойствие. Под влиянием этих намеков я все больше стал думать о признании.

Но однажды, когда Эмили пришла ко мне, мне показалось, что девушка расстроена. Я спросил ее, что случилось, но она тут же попросила ни о чем ее не расспрашивать

и предложила сразу перейти к занятиям. Я согласился, однако стоило мне прочитать условия первой же задачи, как Эмили подняла от книги голову, внимательно посмотрела на меня – так, что я почувствовал: еще немного, и я покраснею. «Джонни, ты умеешь хранить секреты? Нет, не отвечай, я знаю, что умеешь. А еще я знаю, что ты меня любишь», – вдруг сказала она.

От этих слов я залился краской и почувствовал, что не могу дышать. Я посмотрел украдкой в окно, в тот момент мне почему-то хотелось открыть его настежь и глотнуть свежего воздуха. Я думал именно об этом глотке воздуха, но все равно не шевелился, мои суставы затекли, ноги онемели. Я был совершенно парализован. «Я плохая, Джонни», – вдруг грустно проговорила Эмили. В ее голосе слышалась такая горечь, и я тут же пришел в норму. «Нет, ты хорошая», – попытался я возразить. «Нет, Джонни, ничего не говори, я плохая. Я издеваюсь над тобой. Смеюсь над тобой...» Она произнесла это, и я вдруг понял, что знаю это и что принимаю как должное – я не видел ничего в этом обидного, ведь она, несмотря на всю свою красоту, свое обаяние, являлась обычной девушкой. Она не была мною и не могла понять многих вещей, пыталась соответствовать другим людям, ничем не выделяться среди них, а потому проигрывала. Я открыл рот, чтобы сказать ей все это, но не издал ни звука. Странно, строя формулы, решая задачи или читая теорию, я чувствовал себя богом, но рядом с этой девушкой

я оказывался ребенком, лишенным дара речи. «Я плохая, – повторила Эмми. – Зачем я тебя мучаю? Пришла сюда, хотя знаю: стоит ему позвонить, и я помчусь к нему! Просто он гонит меня, словно маленькую собачонку, и вот я снова здесь. Как все это надоело, Джо! Как все это унижительно! Я падаю в пропасть и сама понимаю это! Понимаю, но лечу...»

Я затаил дыхание. В голове не хотела укладываться вся информация. Хотя зачем я вру? Конечно же, там все сложилось – это проще пасьянса, но я не хотел принять это новое: Эмили встречается с Дикентом. Я давно слышал нелепые слухи об их взаимной симпатии, но не верил им... Я положился на Эмили, и вот она пала, низко пала. Она прямо, недвусмысленно признавалась в предательстве. Мне кажется, она угадала мои мысли, потому что вдруг замолчала, посмотрела на меня так искренне, так взволнованно и спросила: «Тебе обидно? Тебе больно, да? Видишь, а ты говоришь, что я хорошая. Хорошая не причинила бы боль такому замечательному человеку, как ты. А знаешь, Джонни, тебя не любят в колледже. Я иногда и сама удивляюсь, почему?! Ведь ты не сделал никому зла. Но ты... как бы сказать, ты не такой, как все. Немного флегматичный, немного инфантильный. Словно ребенок, и притом ты превосходный специалист, умнейший человек. Они называют тебя идиотом, «ботаником» и еще кучей некрасивых слов, а я не возражаю и поддерживаю их, делая вид, будто с ними заодно. Боже,

какая я плохая! Поэтому он меня и бросил. Я заслуживаю этого, Джонни! Я его не виню! А знаешь, надо исправляться! Давай пойдём с тобой на выпускной бал вместе, давай? Я докажу им всем, что я не согласна с ними. Мы оденем тебя так, что упадут все парни колледжа. Ты будешь самым клевым, самым замечательным парнем во всей округе! Договорились, Джо?»

Никогда еще Эмили не была столь разговорчивой. Вероятно, это от нервного расстройства. Девушка все говорила и говорила, а я понимал только одно: она любит Дикента! В конце концов я все же встал, подошел к окну и раскрыл его настежь. Весенний теплый воздух скользнул по моему лицу, но не принес свежести – зря я так надеялся на этот глоток. В груди по-прежнему давило, я задыхался. В какой-то момент мне даже захотелось выгнать Эмили, но потом случилось нечто, что перевернуло все в моей душе, перевернуло снова, уже второй раз за один день.

Эмили подошла ко мне, обняла и вдруг коснулась прохладными губами моих губ. Нет, я даже не могу понять, как это произошло, я настолько был погружен в свое отчаяние, что... Не знаю, может, я стоял спиной или уже повернулся к ней. Когда она сделала шаг мне навстречу? О, как бы я хотел увидеть это со стороны! Но этот поцелуй, он словно пронзил меня током. Это был электрошок, реанимация умирающего организма. Я очнулся, я ожил, я почувствовал, что живу, дышу и что люблю ее!

О, даже сейчас, сидя в тесной душной лаборатории, я чувствую, как отчаянно колотится мое сердце, как убыстряет свой бег кровь в венах, как краски мира становятся ярче и насыщеннее. Только представьте, что же я ощутил в тот момент!

«Договорились, Джо? – повторила Эмили свой вопрос. – Ты пойдешь со мной на выпускной? Ты будешь моим спутником там, на балу?»

Стыдно писать о том, что произошло дальше, потому что я упал в обморок. Да-да, в тот момент, когда меня впервые поцеловала девушка, я потерял сознание и пробыл в обмороке около трех минут. В чувства меня привела Эмили, вбрызнув мне в лицо водой. Я открыл глаза, но все равно чувствовал слабость и усиленное сердцебиение. «Мой дорогой Джо, какой же ты милый!» – сказала тогда Эмили с нежностью и легкой грустью.

В тот день мы не занимались наукой, Эмили ушла, чтобы дать мне отдохнуть. Надо ли писать, что в ту ночь я так и не уснул – все думал о том, как быть дальше. Меня раскачивало, словно маятник, бросая то в одну, то в другую сторону: то я решал навсегда покончить с Эмили, разорвать все отношения, написать ей письмо и в жесткой форме расставить все точки над «i» (выражать свои мысли в устной форме я опасался, так как мог упасть в очередной обморок). Но уже через несколько минут я начинал думать по-другому: если она призналась мне в том, что смеялась надо мной, а затем

пригласила на бал (к моему стыду, это должен был сделать я, а не она), то, значит, я ей небезразличен. Она позвала меня, и я должен использовать свой шанс. Если принимать меня за «х», а Дикента за «у», не спешите ставить знак неравенства. В этом уравнении у нас с ним равные шансы. Еще неизвестно, кому достанется Эмили! В конце концов, проворочавшись всю ночь, я решил, что должен бороться. Я с детства тренировал свой мозг и накапливал познания, но забыл о силе воли и благовидной упаковке этого выдающегося ума, то есть о красоте своего тела.

Наутро я занялся тем, что обшарил все близлежащие магазины, чтобы купить хоть что-то достойное для бала. Изначально, до приглашения Эмили, я не собирался туда идти, считая танцульки глупостью, детской шалостью, да и средств на развлечения у меня явно не хватало. Но теперь я взглянул на бал иначе: нет, это не дурацкая тусовка. Бал даст возможность добиться своей цели – в данном случае завоевать внимание и симпатию Эмили. Она оценит, что я для нее сделал!

Однако, пробежавшись по бутикам, я понял: все не так-то просто. Для того чтобы одеться и выглядеть более-менее прилично, требовалась немалая сумма, которой у меня не было. Вместе с тем до выпускного оставалось чуть меньше месяца – я еще мог заработать. И тогда, примчавшись домой, я кинулся искать работу. В Интернете ее оказалось немало: написание рефератов и курсовых, дипломных и преддипломных, решение сложных задач и прочее. Для моего уров-

ня все это было ерундой, но на эту ерунду требовалось время, а все мои дневные свободные часы заполняла подготовка к вступительным экзаменам и обучение Эмили. Да, ситуация была еще та, но я все равно ответил на несколько объявлений, решив, что стану работать по ночам. Я ничего не говорил Эмили, она, кстати, тему бала тоже не затрагивала. Мне казалось, мы понимаем друг друга подсознательно и стараемся не стесняться. «Она наверняка думает, что я снова могу упасть в обморок», – предполагал я и молчал о том, что не сплю ночами, решая дурацкие чужие уравнения.

Вскоре Эмили стала что-то подозревать. Она была так мила, так внимательна ко мне! «У тебя вид не очень, – заметила она как-то. – Ты хорошо себя чувствуешь?» – «Я? Я... да...» – замялся я в ответ и отвернулся, стараясь не покраснеть. «Ты должен себя беречь, Джонни! – улыбнулась Эмили. – Я уверена, ты еще покоришь свои вершины». Теперь, спустя несколько лет, я стал воспринимать эти слова иначе. Возможно, она имела в виду мое профессиональное будущее, а может, вообще нечто другое. Но тогда... тогда я почему-то во всем видел ее, все слова воспринимал только на ее счет. То есть я думал, что вершина – это она, Эмили, и она сама заранее обещает мне победу. Как же все было глупо!

Наконец, я скопил достаточную сумму и купил фрак. Каким же я был идиотом! Надо было выбрать джинсы и какую-нибудь щегольскую рубашку на манер тех, что носит Ди-

кент. От его пижонского прикида меня тошнило, но надо было все же перебороть себя и одеться именно так. Но я решил поступить по-своему: я оделся, словно на вечер оперной музыки, и был осмеян еще на подходе к колледжу. Чем ближе пробирался я ко входу в заведение сквозь эту шумную разряженную толпу, тем больше смешков слышал в свой адрес: эти глупые лузеры оборачивались, тыкали в меня пальцем, сгибались от хохота, свистели и что-то кричали вдогонку.

Я не обращал ни на кого внимания, я искал ее, Эмили. Я не знал, где она, ведь мы так ни о чем не договорились. Может, мне следовало зайти за ней и привезти ее сюда... Я мучился в сомнениях и упрекал себя за то, что не догадался переговорить с Эмми заранее. Но в моем представлении роль кавалера бала должна была начаться у входа в колледж: я хотел дожидаться свою королеву у самых дверей, а потом, когда она появится, галантно поклониться и предложить взять меня под руку. Нечто подобное я видел в каком-то старом кино. Именно так, мне думалось, я покорю Эмили окончательно, и она забудет своего Дикента.

Итак, не найдя ее, я встал у дверей колледжа, словно статуя, и тем самым привлек к себе еще большее внимания. Смеялись уже, кажется, все. Но я не слушал глупых комментариев. Я ждал Эмили, с ужасом обдумывая, что я скажу ей при встрече. «Привет, это я!» – банально! «Ты готова? Тогда пойдём?» – еще хуже! «Выглядишь великолепно!», «Чудесное платье!»... Знать бы, что говорят при встрече эти вер-

лявые пикаперы... Но додумать я не успел, потому что все мысли вдруг вылетели из моей головы, когда на лестнице появилась Эмили. Такая прекрасная в длинном платье, сверкающем, словно изумруд. Она улыбалась, и улыбка ее была не менее блистательной, чем искрящиеся чешуйки платья. Она явилась передо мной, словно сказочная принцесса, заставив забыть обо всех смешках и издевках. Она шла ко мне, разом даря и счастье, и горе. Счастьем было видеть ее, а горе было в том, что под ручку с ней вышагивал... Дикент! Чем ближе они подходили, тем отчетливее я видел: она улыбалась не мне и светилась не из-за меня, она была счастлива, потому что этот пижон шел рядом. Они помирились, и Эмили снова стала для меня недосыгаемой вершиной. Это был удар, настоящий удар. Я почувствовал, как закружилась голова, и потерял сознание...

17 ноября 2010 года

– Джонни! Джо! С тобой все в порядке?

– Бен, ну сделай хоть что-нибудь! Он вообще дышит?

– Джо! Надо отвести его в больницу! Кто-нибудь, позовите врача!

Эти слова упорно пробивались в мое сознание. Наконец я открыл глаза и сквозь дымку увидел лицо Эмили – она склонилась надо мной и с беспокойством что-то твердила. За ее плечом маячил он, Бен Дикент, самый ненавистный мне человек. На его лице застыла ухмылка. Глупый папоч-

кин сыночек, жалкий пижон, не умеющий доказать ни одной теоремы. В его жизни все куплено, он не знает, что это такое – пробивать себе дорогу самостоятельно, быть непризнанным гением, белой вороной в черной каркающей стае.

– Эмили, с ним уже все хорошо, – потрепав ее по плечу, проговорил Дикент. – Пойдем, нас ждут!

Моя богиня испуганно обернулась на него, затем посмотрела на меня. В ее синих глазах я читал сожаление.

– Но, Бен, Джо... Ему плохо!

– Эмили, пошли! Он уже очнулся! Не позорься! Сегодня наш день! Мы с тобой вместе, и этот бал, он создан для нас, ведь правда? Зачем тебе этот глупый попугай! Посмотри, на нас все глазают. Не хватает еще, чтобы кто-нибудь подумал, что мы из одной компании!

Должно быть, вся эта чушь подействовала, потому что Эмили снова взглянула на меня с такой тоской и сожалением, повела плечами, как бы подавая знак, что ничего сделать не может, и, протянув руку этому недоноску, пошла прочь.

Я видел, как она уходит – моя Эмили, моя непокоримая вершина, человек, которому я поклонялся столько лет, девушка, на которой я даже думал жениться! Я знал, что надо делать: встать и побрести, шатаясь, следом. Да, именно шатаясь, потому что от пережитого потрясения я вряд ли смог бы идти ровно. Но идти надо, и я бы дошел. Догнал бы его, схватил грязной рукой за серебристую рубашку. Почему грязной? Потому что я упал и, естественно, испачкался. Сей-

час мой костюм не стоил и гроша, никто и подумать не мог, сколько денег на него ушло, сколько бессонных ночей пришлось пережить, чтобы одеться так, как я мечтал. Впрочем, мне теперь явно не до фрака. Итак, я догоняю его, дергаю за рукав. На серебрястом рукаве остается грязная пятерня, но меня это не смущает, я даже рад. Да, рад, я стал совсем другим человеком после этого обморока!

Они поворачиваются, оба. Эмили смотрит с удивлением и даже с испугом. Естественно, с испугом, ведь она видит, что я изменился, она все понимает в считанные секунды. Ну а у этого придурка на губах снова начинает играть язвительная ухмылка. Но недолго, потому что уверенным ударом кулака я стираю эту гнусную мину. Брызжет кровь, оставляя на рубашке неряшливые пятна, – разбиты губа и нос. Не мои – Дикента, и это придает мне еще больше сил. Пока он зажимает пальцами нос, чтобы не испачкать рубашку еще больше (тоже мне чистоплюй!), я снова размахиваюсь. Новый удар – и Дикент падает.

– Джонни, что ты делаешь? Перестань! – кричит Эмили и кидается к любимому, к этому типу. Она хочет поднять его, но этот придурок слишком тяжел.

Тем временем он встает сам. Отплевывается.

– Я всегда знал, каков ты, сукин сын! – На разбитых губах Дикента вдруг появляется улыбка: – Прикидывался «ботаником», а на самом деле настоящий мужик! Ну, дай же пять! – он протягивает руку для рукопожатия.

Эмили тоже начинает сиять невероятно счастливой улыбкой:

– Я верила в тебя, Джо! Я знала, ты покажешь себя! Это все было подстроено, чтобы тебя спровоцировать! Я даже не думала идти на бал с Дикентом, ведь правда, Дикент?

– Конечно, разве ты не знаешь, Джо? Я уже давно встречаюсь с Джейн, мы с ней собираемся пожениться.

Я смотрю в сторону и вижу Джейн, девчушку моложе нас на два года, маленькую, худенькую, прыщавую, совсем неказистую.

– Да, Бен, эта девушка как раз тебе пара, – замечаю я не то с ехидством, не то искренне.

Бен расплывается в счастливой улыбке.

– Я знаю! – говорит он и медленно, шатаясь – прям как я несколькими минутами раньше, – идет к Джейн.

Эмми радостно подбегает ко мне, хватая меня под руку, и мы отправляемся на бал...

Да, вот так я все это представил, глядя, как они удаляются. Я все еще лежал на полу, раздавленный, грязный, униженный. На меня глазело не меньше двух десятков любопытных прыщавых рож. О, им не понять, что гений высок даже в унижении! Что они вообще могут знать о гениальности? Что они могут знать обо мне?

Я встал, отряхнулся и медленно, шатаясь, поковылял прочь от этого колледжа. Финита ля комедия! Я решил твердо, что не буду больше иметь никаких дел с девушкой

по имени Эмили Берклинг. Я забуду ее также быстро, как она забывала формулы и все то, чему я ее учил, я не буду упоминать ее имени, я сотру из памяти малейшие ее следы и выброшу все книги, к которым она прикасалась. Можно ли забыть человека? Конечно, можно! Просто не вспоминать о нем! Все проще простого.

Эмили пришла спустя два дня. С видом побитой собаки. С грустными, наполненными слезами синими глазами. Я открыл дверь, и она, облокотившись о дверной проем, посмотрела на меня. И так искренне, так тихонько прошептала: «Привет!» Нет, если бы она сказала что-то другое, если бы просила прощения, сделала бы замечание о погоде, об учебе или о чем-то еще, я бы знал, что ответить. Я предусмотрел все варианты, но не это простое и дурацкое «Привет!».

– Ээээ... – сказал я, не найдя ничего лучше, чем эта буква.

А Эмили тем временем прошла в квартиру. Я даже отодрался, чтобы пропустить нежданную гостью. На моей неприступной крепости вывешен белый флаг при первом же марш-броске врага – я сдался, униженно поднял руки, не решившись вступить в бой. Как же велика была ее власть надо мной!

– Не оставляй меня, пожалуйста, Джо! Прошу! Без тебя я не смогу никуда поступить, я не справлюсь! Ты – моя последняя надежда! – бормотала Эмили, моргая. – Я знаю, я ужасна! Я снова тебя предала. Но я ведь с самого начала не скрывала, какая я плохая. Вспомни, ты знал об этом! Так

в чем же я виновата?

Она говорила, а я тем временем уже раскладывал на столе учебники, которые, признаюсь, так и не выбросил, помня об их полезности.

Эмили пришла ко мне за помощью, не мог же я оттолкнуть ее, тем более сейчас, когда до вступительного экзамена оставалось всего ничего. Уже через полчаса я понял, моя память не сравнится с ее: я еще не успел забыть Эмили, а все формулы уже давным-давно выветрились из этой милой головки. Мы снова вместе грызли гранит науки.

Рассказывая о прошлом, я так увлекся, что позабыл о самом главном: о моем эксперименте. Опыты с Эмми считаю законченными. Ее успехи достигли своего апогея и явно пошли на спад. Она все чаще забывает помыть посуду и все реже обращается к книге. Если так пойдет и дальше, еще через месяц-другой Эмми вернется к прежнему состоянию. Надо бы подумать, как закрепить эффект применения моего фатума на более длительное время.

Однако теперь я занят другой мышью – Кристи. Забитое белое создание, стандартная особь, ничем не отличающаяся от других мышей. Я втер ей в шерстку видоизмененную вакцину из пузырька № 2. Там есть некий элемент, описать который здесь не буду по известным причинам. Итак, сегодня первый день эксперимента. После введения вакцины Кристи уснула и пока не просыпалась. Не знаю, сможет ли

она вынести это испытание. Возможно, дело закончится летальным исходом.

Кстати, еще хотелось написать об одном инциденте. Вчера в лабораторию заходил Томас Меркенсон, сотрудник производственного отдела. Его взгляд так и лип к моим пробиркам и ампулам. Этот тип показался мне крайне подозрительным. Если бы я писал роман и решил ввести в него шпиона, он выглядел бы именно так: маленький, вертлявый, с неприметным лицом, жирными прилизанными волосами и бегающими глазками. В общем, субъект отвратительнейший.

Как назло, в этот момент Эмми (в смысле, мышь) затеяла мытье посуды. Она аккуратно вымыла две мисочки и нажала на кнопку пять раз, что означало «забрать посуду».

На Меркенсона такое поведение мыши произвело непередаваемое впечатление. Сначала он снял очки и протер их, потом потер глаза. Нацепил очки на нос, уставился на бедную Эмили, отчего она фыркнула и повертела лапкой у виска, давая ему понять, что он сошел с ума. Я тут же смекнул, что если по холдингу пойдут слухи о моих открытиях, то у меня могут возникнуть проблемы.

Потребуется отчеты, бумажки, возможно, часть моих экспериментов вообще признают незаконными. Жизнь приучила меня к осторожности, и я на всякий случай решил поостеречься и сделал все, чтобы увлечь Меркенсона разговорами и увести подальше от мыши. Я нес всякую чушь: говорил о погоде и осенней усталости, рассказывал о планах на Рож-

дество, которых у меня на самом деле не было и быть не могло. В общем, вел себя, как клоун.

Но на Томаса Меркенсона, похоже, мои уловки не подействовали. Он все вертел головой, пытаясь высмотреть мою Эмми, и вдруг, не вытерпев, спросил:

– Она действительно мыла посуду, я не ошибся? И еще она покрутила у виска лапой...

– Кто? – я округлил глаза в изумлении.

Меркенсон дрожащей рукой указал в сторону, где за колбами и сосудами скрывалась клетка с Эмили.

– Там, мышка...

Я многозначительно поглядел на Меркенсона (не могу передать, скольких усилий мне это стоило), затем вкрадчиво спросил:

– Томас, простите за прямоту... Как давно вы брали отпуск? Мне кажется, вы переутомились. Скажу честно, здесь я ставлю эксперименты (для того меня и приняли на работу), некоторые из них даже успешны. У моих мышек есть определенные достижения, но они настолько ничтожны, что вы их и не заметите. Я даже представить не могу, что нужно сделать, чтобы мышь мыла посуду или крутила лапой у виска! Вам надо срочно в отпуск! Отдохнуть, поспать!

Последние слова я говорил, выпроваживая гостя из лаборатории. А он все кивал и со страхом оглядывался на клетку. Хорошо, что Эмми от двери не видно. А то неизвестно, чем она занималась, может быть, читала книгу, а может, отворя-

ла клетку, чтобы пойти погулять.

Я так и не понял, зачем приходил Меркенсон. Возможно, он забыл о цели своего визита в тот самый момент, когда увидел мышь. А может, он пришел сюда, чтобы шпионить за мной. Неудивительно, что ученый моего масштаба привлекает к себе повышенное внимание. Не знаю почему, но эта мысль преследует меня – очень уж подозрительным показался мне этот Томас. Я подумываю о том, чтобы перевести Эмми в другое, более безопасное место – ведь, не ровен час, сюда еще кто-нибудь может заглянуть.

А пока продолжу записывать историю девушки по имени Эмили.

Она успешно поступила в Гарвард, разумеется, благодаря исключительно моим усилиям. Меня туда тоже зачислили без всяких заминок. Я думал, что, поступив в одно заведение, мы станем с Эмили ближе, но все произошло с точностью до наоборот. Она отдалилась от меня и, как мне кажется, выбрала неверный путь, заводя знакомства с сомнительными людьми. Вокруг нее всегда толпилось много юношей и девушек, причем не самых лучших представителей нашего университета. Все девушки, с которыми она водила компанию, были глупы и грубы, а парни, как на подбор, оказались под стать Бену Дикенту. Кстати, про этого франта. Их отношения с Эмили закончились, и он исчез с ее горизонта. Мне кажется, Эмми вовсе не тосковала, и не прошло и двух недель, как она нашла ему замену – белокурого мальчика

с фальшивой улыбкой и до зубной боли банальным именем: Сэм Уокер.

Я наблюдал за их отношениями издали, не беспокоил Эмили, просто ждал, когда закончится и это увлечение и она вновь вспомнит обо мне. Она любила меня, только меня, я знаю это точно. Она любила и ценила лишь меня одного. Весь секрет в том, что Эмили, словно ребенок, бросалась на все яркое и красочное, мечтала о красивом парне, как маленькая девочка мечтает о кукле. Но дети вырастают, и куклы заполняют чердаки и пылятся в углах. Так и Эмили, она обязательно бы повзрослела и вот тогда вспомнила бы обо мне, поняла, что я именно тот, кто ей нужен.

Я пишу и сам себе удивляюсь. Со стороны так и кажется, что эти записи пронизаны самодовольством и напыщенностью, не меньшими, чем у того же Дикента. Но невозможно высказаться иначе, и не потому что я самолюбив, просто я знаю внутренний мир моей Эмили. Это для меня теорема. Не могло получиться иначе, я твердо убежден: Эмили все равно пришла бы ко мне, рано или поздно. Я никому и никогда об этом не говорил, потому что меня бы засмеяли, но здесь, в своем дневнике, я ведь могу писать все, что лежит у меня на душе. К тому же я надеюсь, что эти строки никто и никогда не будет читать, ведь я пишу их только для себя. Я ученый и должен привыкать вести записи.

Итак, у Эмми появилось новое увлечение, а сама она по-прежнему оставалась увлечением моим. Моей болью, моей

бессонницей, моим уязвленным самолюбием.

Но ничто не сравнится с той болью, которую я пережил, когда узнал о ее гибели.

Да-да, Эмили умерла!

И виноват в этом не кто иной, как Сэм Уокер! Он сел пьяный за руль и повез Эмили на загородную прогулку. Итог предсказуем. (Господа! Не зря полиция предупреждает: не пейте за рулем, пристегивайте ремни безопасности и переходите дорогу только на зеленый свет светофора!) Итак, случилась авария, лобовое столкновение, у Эмили не было шансов выжить. Какая глупость, какое безрассудство – погибнуть рядом с таким пижоном. Зато он выжил, оклемался, восстановился и, кажется, метит сейчас в депутаты. Что ж, жизнь его накажет, но Эмми...

Я узнал о ее смерти в университете и тогда впервые в жизни сбежал с лекций и напился. Вдрызг. Я плакал по Эмили весь вечер и всю ночь, а наутро страдал от головной боли и похмелья. Эта гадость, которую в себя вливают миллионы (да что там миллионы – миллиарды людей!), губит человечество. Отмирают клетки головного мозга, происходит множество необратимых процессов. Больше я не пью.

Кажется, Кристи проснулась. Пойду к ней.

20 ноября 2010 года

Он опять пришел – этот Томас Меркенсон! Уверен,

неспроста он сюда таскается. Я, разумеется, был уже во всеоружии. Услышав стук в дверь, я ввел вакцины со снотворным Эмили и Кристи, и они сразу заснули. И, как оказалось, не зря.

– Эта мышь, мистер Хемистри, не дает мне покоя! Извините за столь странную просьбу, но можно я еще разок взгляну на нее? – обратился ко мне Меркенсон, когда я отворил ему дверь.

Я засмеялся:

– Томас, вы меня удивляете! Неужели вы до сих пор думаете, что моя мышь мыла посуду?

Меркенсон покраснел:

– Нет, но... Понимаете, Джон, раньше у меня никогда не было видений. Возможно, я действительно много работаю. Пожалуйста, покажите мышь, чего вам стоит?

– Хорошо, проходите. – Я развел руками и пропустил гостя в лабораторию.

Эмили спала сладким сном, укрывшись байковым одеялком.

Черт! Я совсем забыл про это идиотское одеяло! И зачем только я в качестве эксперимента подсунул ей его? Дело в том, что несколько недель назад я заметил, как она из сухой травы делает себе постель, и решил дать Эмми настоящие постельные принадлежности. Мои догадки оказались обоснованны – мышь действительно мечтала спать на подушке и укрываться одеялом. Не могу передать, с какой радостью

Эмми устраивала свое ложе. И вот теперь оно выдало меня.

Разумеется, Меркенсон был удивлен – его брови так и поползли вверх. Он несколько раз протер очки, обежал клетку, удивленно размахивая руками, и постоянно твердил под нос:

– Невероятно! Это просто невероятно! И ведь как она держит лапы – словно человек, а не мышь! Это уникам! Это фантум, я не могу передать словами, что чувствую, глядя на вашу прелестную мышь! Она может приносить деньги, если показывать ее на ярмарках! Вы понимаете это? И как, как вы достигли такого результата?!

Его расспросы застали меня врасплох. Я молчал, пытаюсь лихорадочно придумать хоть какое-то объяснение.

– А что особенного? – сказал я наконец. – Разве не все мыши спят именно так?..

И замолк, осознав, что сморозил глупость.

И тогда я решил, что не стану ничего объяснять – с какой стати я, выдающийся ученый, должен рассказывать этому лысоватому толстяку о своих экспериментах? Что понимает он, всю жизнь проработавший в отделе по производству красок для волос? В чем, кроме ста оттенков каштанового, может он смыслить? Нет, это выше меня – так унижаться я не стану!

– Мистер Меркенсон, в каждой работе есть свои секреты, – окинув его презрительным взглядом, начал я. – Эта мышь – мой секрет. Поэтому я убедительно прошу вас ни о чем меня не спрашивать и об этой мышке никому ни сло-

ва, договорились?

Лицо его побагровело, глазки подозрительно прищурились.

– Ага! – хмыкнул проныра. – Я всегда подозревал, что у вас, мистер Хемистри, тут творятся какие-то странные делишки. Вы что-то скрываете, а вот что – это еще нужно узнать! Не может, я повторяю, не может, – он поднял вверх короткий толстенький указательный палец, – какая-то мышь вести себя подобно человеку. И вам меня не провести! Я видел, что она мыла посуду и показывала мне жестом, что я дурак! Я это знаю! Вернее, я знаю, что я не дурак, но знаю, что мышь говорила... Тьфу! Не говорила, а крутила пальцем. Ой, не пальцем, а лапой! В общем, вы меня поняли! Я это так не оставлю!

Последние слова он выкрикнул, уже стоя на пороге. Затем еще раз, прищурившись, оглядел лабораторию. Мне показалось, что вот-вот раздастся мрачный хохот, каким смеются за кадром эпические злодеи, думая, что посадили героя в лужу и до взрыва Галактики осталось полторы минуты.

– Еще увидимся, мистер Меркенсон!

Вместо смеха раздался грохот захлопнувшейся металлической двери. От этого звука сосуды и пробирки жалобно зазвенели.

Вот так я нажил смертельного врага.

Я понял, что у меня не так много времени. Держу пари, что через несколько дней в лабораторию придут другие

люди, которые будут говорить со мной совсем по-другому. А может, меня просто уволят, потому что о результатах моих исследований не должен узнать никто, даже начальство. Я прекрасно понимаю, что мое открытие можно использовать во зло. Если оно действует на людей так же, как на мышей, можно создать отряды специально выращенных, то есть выкрашенных с использованием моих формул, людей – чертовски умных, агрессивных, настойчивых. С такой армией можно завоевать весь мир!

Что же я наделал? Неужели я, кабинетный ученый, осмелившийся высунуть нос на улицу только для того, чтобы купить в магазинчике через дорогу булочки, открыл двери всемирному злу?

Хотя постойте, возможно, выход есть. Он – во второй моей вакцине.

Тут самое время написать о Кристи. Я был так занят ею, что целых три дня не мог найти время для записей. Применение вакцины дало результаты. Это несомненно, но в какой степени – судить пока рано. Мышь ведет себя очень странно. Сначала тихо сидела в углу клетки, не сводя глаз с Эмми. Я подумал уже, что ничего не происходит, но на второй день вдруг обратил внимание: взгляд Кристи поразительно влияет на саму Эмми. Если раньше она вела себя агрессивно, то теперь проявляются всяческие знаки любви: рвется к Кристи, подкидывает ей вкусные зернышки. Сегодня я заметил,

что также по отношению к Кристи себя стала вести и другая, недавно приобретенная мышь по имени Джерри (всегда любил этот мультик про кота и мышонка). Кристи не стала, подобно Эмми, агрессивной или чересчур любознательной, нет, она все та же, но меня ставит в тупик ее магическое влияние на окружающих.

Признаться, я и сам стал замечать, что Кристи стала особенной – ее шерстка гораздо приятнее на ощупь, чем у других. Ее глазки смотрят покорно и особенно ласково. Нет, она явно преобразилась! Неужели это тоже действие вакцины? Что же несут мои открытия: рождение нового Наполеона или царицы Клеопатры? Как человечество сможет использовать его, с благой ли целью?

Нет, нельзя, нельзя обнародовать изобретение, иначе... Я даже боюсь предположить, что произойдет в этом случае. И потом, если вакцина действует на мышей, все же это не значит, что она будет также действовать на людей! Экспериментов пока не было и вряд ли вообще будут – это очень, очень опасно.

Я чувствую, что мне все труднее держать свое открытие в тайне. Надо выговориться, получить одобрение, рассказать кому-то, продемонстрировать Эмми и Кристи. Но кому? Меня окружают люди, которым я, мягко говоря, не доверяю, особенно этот лысый в очках – мистер Меркенсон. Скоро моя лаборатория наполнится толпой таких же выскочек, существующих нос куда ни попадя. Я уже подумываю о том, как уни-

что жить все мои записи в случае облавы. Нужно позаботиться обо всем: установить программу для мгновенного и полного стирания информации, содержащейся в компьютере, и приготовить яд для мышей – они не должны попасть в чьи-то руки...

Кажется, как раз в этом месте нелишним будет написать немного о моей работе. Формально я работаю в концерне по производству красок и всяческих непонятных и неинтересных мне средств для волос. Однако это только формально.

Я, со свойственным мне юмором, называю этот холдинг косметически-космическим. Изначально мне казалось, что работа здесь не представляет для меня никакого интереса. Однако у них первоклассные охотники за головами, они умеют находить и ценить действительно умные головы. О, сколько людей пыталось меня уговорить на эту работу! Со мной общались профессора Гарварда, уверяя, что это мой шанс; даже мама, которая мало интересовалась моими делами, вдруг стала с жаром обещать мне бесчисленные возможности, которые будут, если я приму предложение о сотрудничестве. В общем, их труды увенчались успехом – компания, чье название по известным причинам я не стану здесь писать, получила меня в качестве сотрудника по производству косметической серии по уходу за волосами. Какое скучнейшее название! Об этом ли я мечтал, когда часами сидел над сложнейшими формулами и грезил о том, чтобы разрабатывать

материалы для полетов в космос и отдать свою жизнь наноразработкам и другим высоким сферам?! А тут... краски для волос.

Однако директор холдинга, мистер N, рассказывая о преимуществах данной работы, о высокой зарплате и прекрасных условиях для сотрудников, вдруг шепнул:

– И потом, мистер Хемистри, у нас вы сможете заниматься стратегическими разработками, уверяю! У нас богатый и многофункциональный холдинг! При этом одни специалисты работают над тем, чтобы у женщин не секлись кончики волос, а другие – над созданием биологического оружия!

Я, конечно, и раньше подозревал, что всякие женские штучки, которыми они брызгаются или мажутся, вполне подходят на биологическое оружие (особенно приторные духи – выживают только сильнейшие!), но удивился, как откровенно об этом говорится.

Мистер N подмигнул, и мне стало ясно: они знали, что делали, когда подсылали ко мне своих охотников, и неспроста интересовались студентом последнего курса Гарвардского университета – им нужен был специалист не для производства косметики! Нет, их цели намного глобальнее! Им нужен профессионал, способный взять на себя реализацию гораздо более интересных идей. И я сдался, тем более что было любопытно, а какое место в этом холдинге отведут мне?! Мне выделили лабораторию и предложили несколько направлений для исследований. Все они сводились к одному:

нужно найти что-то такое, что могло бы изменять поведение или даже характер человека.

Эта идея сразу меня захватила. И вот, день за днем, я шел к изобретению моих вакцин. Честно говоря, я не очень-то верил в успех, хотя сам процесс работы так увлек меня, что я с трудом могу вспомнить, что еще, кроме интереснейших экспериментов, происходило в моей жизни за последние два года. И вот я на пике своих успехов, но об этом никто не знает. И, странное дело, я не хочу, чтобы узнали. Неужели я так мало ищу славы? Неужели у Франкенштейна были те же мысли? Или Менделеев... Увидев таблицу во сне, сразу ли он понял, что информацию о ней надо донести до широких масс? Может, я не должен был вообще заниматься наукой? Может, я не прав? Как будет развиваться человечество, если такие ученые, как я, станут столь усердно скрывать свои открытия? Мне необходимо подумать обо всем этом.

22 ноября 2010 года

С моими мышами пока не произошло значительных изменений. Я по-прежнему наблюдаю за ними. Параллельно работаю над вакциной. Мне пришло в голову усовершенствовать ее еще немного. Интересно, какие результаты это даст? Я попробую поэкспериментировать над Джерри. Меркенсон больше не появлялся. Начальство тоже меня к себе не вызывало. Странно, ни одного гостя. Я даже специально установил несколько датчиков и регулярно опечатываю дверь,

чтобы никто не пробрался в мою лабораторию незаметно. Но все в порядке. Похоже, я зря беспокоился – Томас вовсе не шпион, просто обычный сотрудник, не слишком умный к тому же. И, похоже, я незаслуженно его обидел. Надо бы извиниться. Хотя зачем извиняться, разве это прилично – совать свой нос в чужие дела? Пусть он извиняется!

Но нет, вовсе не о Меркенсоне я сейчас думаю и вовсе не ради него сел сюда стучать по клавишам. Дело совсем в другом. Вернее – в другой.

Да-да, как ни странно, речь идет именно о женщине. Вчера со мной произошло очень странное событие: я встретил девушку. Можно, конечно, сказать, что этих девушек пруд пруди и я, должно быть, встречаю их в офисе или даже на улице (когда, подняв повыше воротник куртки, перебегаю через дорогу за булочками). Но все это не то, этих девушек я и не замечаю, словно мы с ними существуем в разных измерениях и на разных планетах: они на Земле, я – на Марсе.

А *эту* я заметил. Не мог не заметить.

Все дело в том, что она так похожа на Эмили. Поразительно похожа! Когда я увидел ее вчера впервые, мне показалось, земля разверзлась у моих ног. Неужели бывают столь схожие лица?! И что самое интересное, как выяснилось, она находится всего в нескольких шагах от меня – работает в моем же холдинге.

Я узнал, ее зовут Кристин – прямо как мою мышь номер два. Это просто помешательство! Иногда я думаю, что меж-

ду девушками и мышами гораздо больше общего, чем воображают и те, и другие. Например, имена. И писк. И стремление тащить всё в свою норку... И боятся друг друга они совершенно одинаково...

Однако хватит лирики, лучше сухо и подробно, как при научном эксперименте, изложу все, что произошло.

Я шел на работу, как назло, погодка выдалась на редкость противная – с утра моросил затяжной дождь. Небо черное и мрачное, повсюду лужи, а я в моих обычных немного дырявых ботинках (некогда купить новые, к тому же, признаюсь, я побаиваюсь магазинов: они такие большие и непонятные!). Но ладно ботинки, к ним я уже привык и даже научился ценить их за хорошую вентиляцию. Обидно то, что я оказался без зонта. То, что следовало его взять с собой, я выяснил, когда уже вышел из дома, но возвращаться не решился – дурная примета. К тому же мне не терпелось попасть в лабораторию.

В общем, я схватил газету из ящика и, накрыв ею голову, устремился в холдинг. Я живу недалеко от работы и потому не пользуюсь транспортом. Транспорту вообще, по-моему, нельзя доверять. Эти маленькие вагоны похожи на клетки для мышей. А уж мне ли не знать, что именно делают с лабораторными мышами! В общем, путь до работы я преодолеваю вприпрыжку. Вот и вчера я уже подходил к зданию холдинга, когда почувствовал, как меня обдало грязью – с ног до головы, вернее, с облагороженных незапланирован-

ной производителем вентиляцией ботинок до промокшей газеты.

Я очнулся от своих размышлений и, посмотрев по сторонам, понял, что дело в машине, неудачно заехавшей на полном ходу колесом в лужу. Я уже собрался осыпать водителя всяческими нелюбезностями, но взглянул в кабину и обомлел. Она, Эмили, и была водителем этого автомобиля! Ради меня она покинула салон автомобиля и с тревогой кинулась мне навстречу. Ее распущенные золотистые волосы вмиг промокли под проливным дождем. Платье превратилось в жалкую тряпицу, мало скрывающую восхитительную фигуру девушки. Один ее вид обжег меня изнутри так, что пришлось опустить глаза, дабы не упасть в обморок.

– Простите, пожалуйста! Боже, вы весь грязный! Может, я возьму вашу одежду, чтобы привести ее в порядок? Вы пришлете мне ее? Пожалуйста, я прошу! У меня нет слов для оправдания. Я очень плохой водитель. Три месяца за рулем. А толку никакого... – Эта девушка, так похожая на Эмили, умоляюще смотрела на меня.

Мне показалось, еще чуть-чуть, и она расплечется. Глядя в ее прекрасные глаза, я напрочь позабыл об этой проклятой луже, о своем испорченном костюме. Мне захотелось защищать эту девушку от всех опасностей на свете! Мне даже захотелось создать для нее эти опасности – лишь бы было от чего ее защищать, лишь бы она не ушла так же внезапно, как появилась в моей жизни!

«А вдруг ее тоже зовут Эмили?» – мелькнула в голове сумасшедшая мысль.

– Ерунда! – зачем-то стравивая с брюк капли дождя, пробормотал я в ответ. – Не стоит беспокоиться. Простите, мисс...

– Кристин, – девушка улыбнулась. – Зовите меня просто Крис.

– Прямо как мою мышь! – заявил я. Разве нормальный человек мог такое сказать? А я прямо это и ляпнул – значит, у меня все-таки не все в порядке с головой! – Кристина, – важно добавил я затем (терпеть не могу в себе эту важность!). – Извините, мне пора!

И ушел. Надо же было повести себя так глупо! Я не могу простить себе этой выходки до сих пор! Как можно было уйти, оставив ее под дождем? Почему не предложил зайти в лабораторию и выпить чашечку чая? И можно твердить сколько угодно, что мне эта девушка совершенно безразлична, я все равно буду знать, что лгу самому себе. Еще как безразлична! Это – вторая Эмили (если не считать мышь). Мое сердце стучало так громко, что я боялся разрушить близстоящие здания, мои ноги ступали так нетвердо, что я еле добрал до лаборатории.

Весь вчерашний день я провел в размышлениях о Кристин и параллельно наблюдал за ее хвостатой тезкой. Мое настроение не улучшилось и сегодня утром. Придя на работу, я, как всегда, короткими перебежками продвигался по коридору.

дору, никого не замечая, и потому испугался, когда на меня что-то налетело и едва не сбило с ног. Я с трудом сохранил равновесие, и каково же было мое удивление, когда, подняв глаза, я увидел, что это Кристин. Она, должно быть, как и я, шла, глядя себе под ноги, и просто не заметила меня. В руках ее были бумаги – всего несколько листков. Остальные – на полу.

– Ой, это вы? Простите, я опять, кажется, причинила вам неудобство! – Она так мило, так естественно смутилась.

– Да, судя по нашим встречам, вы для меня крайне опасны, – заметил я, присев на корточки, чтобы помочь ей собрать документы.

Не могу описать, как я был взволнован, но на моем лице, как всегда случалось со мной от волнения, застыли дурацкая важность и безразличие.

– А что вы тут делаете? – вкрадчиво спросила Кристин.

– Работаю, – ответил я. – А вы? Пытаетесь все-таки меня доконать?

– Нет, – она засмеялась и почему-то покрылась румянцем. – Я тоже здесь работаю.

– Здесь? – я был ошеломлен. – В этом холдинге? И кем же?

– Менеджером по продажам.

– Понятно! – Дурацкая важность не покидала меня. – Вот ваши документы, – я передал ей подобранные с пола бумаги. – Извините, мне пора!

Я снова ушел.

Сейчас я чувствую себя глупее некуда. Как я с ней обошелся? Откуда во мне эта заносчивость? И ведь она мне нравится! Мыслями я там, в отделе продаж! Что со мной творится? Сколько раз жизнь доказывала мне, что от женщины можно ждать только зло, а я опять за свое?!

Нет, я не поддамся чувствам! На этот раз все будет иначе! Я правильно веду себя! Надо выбросить из головы всю эту чушь и работать, работать, работать!

23 ноября 2011 года

Сегодня у меня не так много времени на записи – надо успеть взять все необходимые анализы у Джерри. Вакцина для третьей мыши уже почти готова. От мысли о ней у меня учащается сердцебиение: что нового она принесет? Первая вакцина стимулировала ум и властность, вторая – неисчерпаемое либидо. Что дальше?

Но сегодня, как ни странно, меня занимает другое. Вот мешаю реактивы, а пробирки так и норовят выскользнуть из рук. Я должен освободиться до шести вечера – в семь у меня встреча с Крис. Только подумать, как все переменялось всего лишь за сутки! Да, я счастлив, влюблен, и мы идем в кафе. Я никогда в жизни не был в кафе с женщиной! Я не знаю, как себя вести. Что говорить, что заказывать, в чем, черт возьми, вообще идти... Надо все продумать, но сначала – мыши!

25 ноября 2011 года

Перечитав последнюю запись, понял, что ничего толком не рассказал – во всем виновата спешка. Как вышло, что у меня с Кристин состоялось свидание? Почему я изменил свое отношение? Как я встретился с нею? Ничего не понятно! Чтобы исправить ситуацию, напишу теперь.

Итак, 22-го числа я был ужасно угнетен собственным бессилием и собственным дурацким поведением. Несмотря на то что я пытался выкинуть Кристин из головы, у меня ничего не выходило. Даже Крис, моя мышь, не могла заставить меня забыть о Кристин. Вместо того чтобы проводить опыты, я думал об этой странной девушке. Судя по обеим нашим встречам, она такая же рассеянная, как и я, а значит, из нас может получиться идеальная пара!

Итак, вечером, в дурном расположении духа, я побрел домой. И, выйдя из офиса, посмотрел в ту самую сторону, где еще за день до этого автомобиль Крис обрызгал меня грязью... И что я увидел? Она стояла возле своей машины.

– Ну наконец-то, – улыбнувшись, проговорила девушка. – Я уже думала, что ты заночуешь в этом душном офисе. Ты всегда так много работаешь?

Честно говоря, я опешил. Этот тон – тон человека близкого и давно знакомого – меня слегка смутил. Не было никакой официальности, мне это даже показалось немного неприличным. И потом, с какой стати она меня ждала? Я остановился, не в силах подобрать слова. А она продолжала:

– Джон... Я узнала, что тебя зовут Джон... Конечно, ты можешь подумать, будто я преследую тебя, но это вовсе не так. Я действительно испытываю неловкость за обе наши случайные встречи и хотела бы загладить вину. Можно я подвезу тебя до дома?

– Спасибо, но мне идти всего полквартила, – попытался возразить я, но Кристин, видимо, не была настроена на отказ. – Неужели так сложно не сопротивляться и дать девушке возможность загладить свою вину? Какие же вы, мужчины, вредные... – она надула губки и стала еще милее, чем прежде. Я, конечно, далеко не эксперт по женской части, но мне кажется, некоторым женщинам идет, когда они слегка обижаются.

Я сел в машину. Признаться, я с самого начала, как только Крис заговорила об этом, захотел побыть с ней, не уходить, поговорить хоть немного, но эти дурацкие привычки, манеры, правила приличия! Машина тронулась, и я впервые в жизни пожалел, что живу так близко – мы доехали до дома в считанные минуты.

– Ну и?.. – кокетливо улыбнулась Кристин.

Я не понял, о чем она. Как я уже упоминал, у меня не было опыта общения с девушками. К чему это «ну»? Может, Крис намекает на оплату проезда? Где же портмоне? Неужели, как всегда, в ящике рабочего стола?

– Сколько я вам должен? – суетливо спросил я, выгребая из кармана мелочь.

Кристин засмеялась, и я снова почувствовал себя полным идиотом.

– Я имела в виду не это! Может, ты пригласишь меня на чашечку чая? Или кофе?

Я задумался. Вести ее в квартиру точно нельзя – у меня там полный кавардак.

Я живу отдельно от мамы и весь поглощен наукой, а потому мало занимаюсь уборкой. Держать в доме прислугу не в моих правилах: терпеть не могу, когда кто-то трогает мои вещи. На самом деле у меня не так уж не убрано, и я всегда могу найти в ворохе вещей нужную колбу, книгу или даже парные носки. Ну, с носками я, может, и погорячился, но кто же увидит, что на правой ноге синий носок, а на левой – красный, если на обеих ногах ботинки, причем даже одинакового цвета? Но я не о том. Я хотел сказать, что моя квартира – эталон творческого беспорядка, уже много лет успешно балансирующего на грани полного хаоса.

Поэтому боюсь, если я приведу Кристин к себе, она задохнется от книжной пыли, удивится тому, сколько всего можно разбросать по полу, а еще может случайно нарушить это хрупкое равновесие. Нет, это точно не вариант! По-видимому, переживания отразились на моем лице, потому что Кристин вдруг добавила:

– У меня есть прекрасная идея: давай завтра сходим в кафе. Скажем, вон в то, за углом!

Она ткнула пальцем в первый попавшийся дом, и я с удив-

лением увидел там вывеску итальянского кафе. Странно, никогда раньше не замечал, что здесь есть кафе. А вообще, что замечал я раньше? Мне все больше нравилась эта девушка: ее непосредственность, ее подвижность, ее легкость. Поручи она мне выбрать место для нашей первой встречи, я бы полдня изучал карту местности, потом принялся бы шарить по отзывам в Интернете, потом подсчитал бы, во сколько выйдет поесть и выпить в этом заведении, а то и вовсе перешел бы к экспериментальной части, прежде чем озвучить решение. Кристин же делала все с пол-оборота – туда, значит, туда.

Таким образом, участь моя была решена. От меня требовалось лишь собраться и вовремя прийти на свидание. Я, как и писал прежде, долго думал над тем, в чем пойти, о чем говорить и что делать. В итоге решил ничего не менять: пришел как есть, в обычном костюме, и говорил о том, что было действительно мне интересно, то есть о формулах.

Мне казалось, Кристин разделяет мое увлечение – по крайней мере, она, не перебивая, меня слушала. А потом я пошел ее проводить. Я слышал, что так нужно делать на свиданиях, но все не знал, как лучше высказаться, и топтался на ступеньках кафе. К счастью, Кристин оказалась умницей, она правильно поняла мое «mmm...» и «гмммм...» и сама попросила составить ей компанию. Когда мы подошли к ее дому – а у Крис такой милый, уютный на вид домик, – она вдруг быстро прикоснулась губами к моим губам и убе-

жала. Я даже не понял, как случился этот поцелуй. Шорох ветра, мимолетное прикосновение бабочки, которая тут же упорхнула прочь. В это волшебное мгновение я ощутил такой прилив счастья, что едва не упал в обморок от переизбытка чувств.

Сегодня мы договорились снова идти гулять!

2 декабря 2011 года

Долго не писал, на это совсем нет времени. Вся моя жизнь заполнена работой с мышами и мыслями о Кристин. Я все время думаю только о них четверых. Кристин, Эмми, Джерри и Крис – вот то, что заполняет мои дни и ночи. Все четверо меня радуют. Вернее, пока только трое: Джерри все еще готовится к эксперименту. Я планирую ввести вакцину послезавтра. Для меня это событие. Каких еще сюрпризов можно ждать? Как бы там ни было, я уже достиг грандиозных результатов!

Вчера Кристин впервые заговорила о моей работе. Она спросила, интересно ли то, чем я занимаюсь. Дабы ее развлечь, я припомнил забавный случай. Когда, два года назад, я только приступал к работе в холдинге, имя которого я по известным причинам не хочу называть, я попытался изобрести средство, препятствующее облысению. На лысых крыс оно действовало безотказно. И вот я добился разрешения начальства на привлечение к эксперименту небольшой группы людей. Каково же было мое разочарование, когда все

испытываемые, вместо того чтобы обзавестись густой шевелюрой, обросли шерстью. Причем с головы до ног, и буквально за одну ночь.

Все эти так называемые «йети» с дикими криками ворвались наутро в мою лабораторию – они были неотличимы от первобытных людей! Я спрятался за шипящими пробирками, и «йети», к счастью, не успели меня найти – подросла охрана холдинга и увела их. Правда, до сих пор не знаю куда. Надеюсь, на стрижку.

А еще был странный случай с тушью для ресниц. Нужно было ввести в обычную тушь компонент, который бы удлинял и утолщал ресницы. Мне казалось, я точно знаю, что нужно. После того как несколько девушек накрасились усовершенствованной мной тушью, случилось страшное: ресницы настолько удлинились, что безнадежно сплелись между собой и девушки не смогли открыть глаза. Пришлось остричь ресницы вообще.

Мои рассказы произвели на Кристин огромное впечатление.

– Какая у тебя интересная работа! Потрясающе! – произнесла она. – Знаешь, несмотря на все твои неудачи, я буду рада помочь тебе в следующей разработке. Обещаю, при любом исходе не буду жаловаться. Ты сейчас над чем работаешь?

Я ответил, что это пока тайна и что после тех экспериментов я не ставлю опытов над людьми. Затем сменил тему,

но мысль о том, что Кристин, возможно, и есть тот самый человек, которому я могу открыться, не дает мне покоя. Мне так давно хотелось поговорить с кем-нибудь! Могу ли я ей доверять?

3 декабря 2011 года

Сейчас глубокая ночь. Я пишу, с трудом справляясь со своими эмоциями. Меня переполняет такое счастье, что его сложно описать. Свершилось! Мы с Кристин были близки! Я даже не мог мечтать об этом! Она в тысячу раз лучше Эмили, она искренняя, добрая, чуткая, она – совершенство! Крис никогда не предаст меня, я знаю! Это женщина, с которой я хочу провести всю свою жизнь, которой хочу открыться до конца! Во всем! Я готов доверить ей самое дорогое, что у меня есть, – своих бесценных мышек! И конечно, я рассказал ей о своих экспериментах! Она нашла их восхитительными! Она говорит, я – второй Франкенштейн! Она верит в меня! Завтра введу вакцину Джерри!

4 декабря 2011 года

Ввел вакцину Джерри. Теперь испытываемая мышь уснула. Я смотрю на нее и думаю о Крис и о том, что у нас с ней было вчера. Я мечтаю, когда закончится сегодняшняя работа и я снова увижу эту дивную девушку. Она сегодня еще не звонила. Должно быть, занята.

Снова 4 декабря 2011 года

Все кончено. Они идут. Это настоящая облава. Мне позвонил начальник и сказал: «Мистер Хемистри, мы знаем о тех опытах, что проходят в вашей лаборатории. Сейчас к вам придут люди. Вы откроете им дверь и выдадите все три вакцины с точным описанием их состава».

Я кинул трубку и побежал уничтожить все свои записи. Как жаль, что я не успел увидеть, как повлияет третья вакцина на Джерри, мышь еще не проснулась. Правда, теперь это не имеет значения. Со слезами на глазах я усыпил всех троих – яд для мышей был заранее заготовлен специально на этот случай. Я убивал моих крошек и плакал, как плакал, когда потерял Эмили-первую.

Сейчас я уничтожаю документы. Эти записи удалять не буду, ведь здесь нет формул и названий. Оставлю для потомков – может быть, какой-нибудь ученый когда-нибудь прочитает их и поймет, что нельзя доверять женщинам.

Это Кристин, она сдала меня, теперь я знаю точно! Я ведь открылся только ей одной! Какое ужасное предательство! Все подстроено! Эти встречи и то, что она решила со мной... О боже! О наука! Как же это ужасно!

Они думают, что поймают меня! Но нет, я не сдамся! Я проберусь через черный вход и унесу пробирки с вакцинами... Мое сокровище, мой фатум!..

Они уже стучат в дверь! Отключаюсь...

Глава 2

Россия, г. Москва

Десять! Минус десять за день! Нет, не погода и даже не календарные дни. Лара привыкла подсчитывать свои неудачи, с сарказмом наблюдая, как разваливается ее жизнь. Подводя итоги дня, девушка всегда смотрела, сколько в нем плюсов, а сколько минусов. Выходило по-разному, но сегодняшние минус десять побили все рекорды.

Сначала этот дурацкий сон, который посещает ее, наверное, в сотый раз: разноцветные жирафы, целых три – красный, зеленый и ярко-синий, даже более близкий по цвету к фиолетовому, – стояли поодаль и смотрели на нее. «Разве такое возможно? – думала Лара, не в силах оторваться от этих прекрасных существ. – Разве бывают такие создания? Они – совершенство! Нет, я никогда в жизни не видела ничего красивее!» Девушка вдруг пожалела о том, что у нее нет с собой фотоаппарата. Да что там фотоаппарат, тут камера нужна! А еще лучше – профессиональная, с оператором. «Эх, такой сюжет пропадает!» В голове тут же, словно картинка из пазлов, сложился текст: «Сегодня наша съемочная группа обнаружила новый вид животных, доселе не известный ученым. Что это – мутация или природный дар? Для чего нужна столь яркая окраска африканским животным? Способны ли такие цвета защитить жирафов, убереечь их от че-

го-то, или же это свидетельствует о приближающейся катастрофе?»

Лара мечтательно закрыла глаза. «Мой голос, мои слова, – думала девушка, – но сейчас я проснусь, и все исчезнет! Эх, жаль, что даже во сне у меня ничего не выходит так, как хочется». Что-то мягкое и влажное коснулось ее руки – от этого прикосновения Лара вздрогнула и открыла глаза.

Оказывается, она все еще в том волшебном мире! Перед ней стоял жираф – тот самый, фиолетовый. Он согнул длинную шею так, что голова его находилась на уровне Лариных глаз. Взгляд его был совсем как человеческий и почему-то вопросительный. О чем он ее спрашивает? Девушка замерла в испуге. Все мысли об операторе, камере и даже о репортаже напрочь вылетели из ее головы. Осталась лишь одна мысль, назойливая, словно муха: «Сейчас что-то будет!» И она не ошиблась: жираф резким движением разогнул шею и вдруг издал вопль – визгливый, противный вопль, похожий на крик десяти, а может, даже сотни слонов: «И-и-и-и!»

В ушах отчаянно зазвенело.

Лара открыла глаза. Противный навязчивый звук не прекращался – и кто придумал такие идиотские будильники? Одним движением руки она нажала на кнопку. Настала долгожданная тишина. Девушка закрыла глаза в надежде поспать еще хоть чуть-чуть. Может, получится снять репортаж про жирафов? Разноцветные жирафы... Бред! Который уже раз она видит этот сон? Наверное, десятый, а может, со-

тый. Заснуть никак не удавалось. Как назло, в голову полезли мысли о работе, о задании, которое ей дали вчера.

«Ты должна задать именно тот вопрос, что я написала, понятно? Не лезь со своими бредовыми идеями! На тебя уже жалуются! Не позорь наш канал!» Когда начальница выражала недовольство, то становилась похожей на кобру: впалые щеки чуть раздувались, глаза горели яростью, даже волосы приподнимались, она постоянно подергивала плечами, словно пыталась скинуть с себя старую огрубевшую чешую.

Бр-р-р! Лара поежилась и помотала головой, пытаюсь отогнать это ужасное наваждение. Хватит думать об Алинке – будто свет на ней сошелся! Пора вставать!

Девушка высунула ногу из-под одеяла и тут же засунула обратно – в квартире дубак. Может, совсем не пойти на работу? Устроить себе выходной, забить на все! Целый день проваливаться под пуховым одеялом, глядя в этот пожелтевший потолок сталинских времен?

Лара вдруг ощутила себя одинокой и несчастной. Нахлынуло отчаяние, жалость к себе и ненависть ко всей этой убогой жизни. На глаза навернулись слезы. Она укрылась одеялом с головой, готовясь как следует прореветься. Но не успела – в комнате послышалась мелодия, сначала тихая, но все более набирающая мощь. Телефон!

Как ошпаренная Лара вскочила на ноги. Время-то! Уже девять! А она все лежит и куксится! Съёмка в двенадцать, а еще надо вчерашнее загнать, а еще найти кассету, взять

блокнот, не забыть оператора! Блин! Алина небось взбесится! Она, кстати, судя по сигналу, и звонит!

На начальницу у Ларисы стоял особый трек: песня Васи Обломова «Начальник». «Позор тебе, сволочь, гадина, жадина...» – заливисто звучало из мобильного.

– Алле! – Лара почувствовала, как дрожит ее голос. Не стоит поддаваться панике! Надо соврать, что она уже в метро, что уже бежит или стоит в пробке или еще что-то – только не дома в кровати.

– Ты сейчас где? – не здороваясь, спросила Алина.

– Я? – Лара беглым взглядом окинула комнату: старый платяной шкаф, серые, в выцветший цветочек, обои – и не смогла соврать: – Дома... Но я уже почти бегу!

– Опаздываешь? – Лара услышала, как злорадно ухмыльнулась кобра.

– Я... нет. Ну просто, Алин, вчера съемка была поздняя, ты же знаешь!

– А исходник нужен сейчас! Или ты будешь это через неделю давать? Новости, девочка, не ждут, они должны бежать сплошным потоком! Я вообще тебе поражаюсь: пришла на телеканал и ведешь себя, словно с луны свалилась... на мою голову!

«А ты будто сплошную радость приносишь, – думала Лара. – Сидишь в студии, ничего не делаешь. На всем готовеньком материалы клепаешь. Ты когда сама в последний раз на съемке была? Привыкла, что за тебя «рабы» бегают! Зато

в сюжете себя упомянуть не забываешь...»

– Я сейчас принесу, – отогнав от себя злые мысли, пообещала Лариса. – И сразу на съемку помчусь!

– А ты успеешь? Вадик-то уже поехал.

– Куда? У нас же в двенадцать...

– Угу, в пятнадцать! – хмыкнула змеища. – Ты что, не в курсе? Перенесли на десять! Вообще-то все знают, до одной тебя доходит, как до жирафа... Тугодумка!

– Съемка в десять? Тогда я побежала!

Алина что-то крикнула в ответ, но Лара ее не слушала. Вторая проблема за одно утро, причем проблема гораздо более весомая, чем прежде. Кинув телефон на кровать, девушка судорожно натягивала колготки. Все-таки какая бессовестная эта Алина! А еще напарница называется – по крайней мере, так директор ее назвал, когда представлял. Какая она напарница? Она предательница! Всегда выворачивается, а ее, Лариску, подставляет! Если что не так, всегда Лариса виновата! А Вадик? Тоже хорош! Взял и поехал на съемку! Один! И ей даже не позвонил! А если бы она не узнала о переносе времени? Если бы не приехала и не задала тот самый вопрос, что написала ей на бумажке Алина? Что бы тогда? Увольнение? Или насмешки и позор? Как можно работать в команде, когда каждый сам за себя!

Впрочем, если говорить об Алине – каким она может быть участником команды? Эта молодая стерва готова прогрызть себе дорогу даже в граните, а знаменитая Миранда Прист-

ли – Дьявол, который носит Prada, – при встрече с ней разом бы побледнела, скукожилась и записалась к ней в ученицы. В общем, Алина запросто перемирандила саму Миранду.

Лара уже закрывала входную дверь, но тут, конечно же, сломала ноготь. Ногти всегда имеют обыкновение ломаться не вовремя, а особенно перед важными событиями, значимыми встречами, романтическими свиданиями... Их кальцием не корми, только дай подвести в решающий момент. Вот и третий минус. А ведь день-то еще только-только начался! Пришлось возвращаться и быстро приводить ноготь в порядок.

Уже забегая в набитый троллейбус, Лара вспомнила, что забыла телефон. Черт! Кажется, неприятности пошли чередой, скоро она уже собьется со счета! Что за день такой сегодня! Неужели опять возвращаться? Да нет, тогда она уже точно не успеет! Чего еще не хватает? Ручку взяла, блокнот взяла, вопрос помнит... Удостоверение? В студии! Не ехать же за пропуском? Но как тогда она пройдет в здание? Ерунда какая-то!

– Ваш проездной документ, пожалуйста, – прервала ее размышления полная кондукторша. Лара полезла в сумочку за проездным и, как всегда, не нашла. Извиняясь, краснея и запинаясь, она несколько раз перебрала все то, что было внутри, – куда подевался этот чертов проездной?

– Ищите, я к вам еще подойду, – недовольно пробурча-

ла кондуктор и ушла. Несмотря на тучность и соответственно занимаемый в пространстве немалый объем, она умело и легко просачивалась сквозь толпу. Лара снова и снова копалась в сумке, злясь на свою нерасторопность, на людей, стоящих вокруг плотным кольцом и мешающих поискам. Наконец, на очередной остановке освободилось место. Лара юркнула на него. Еще раз просмотрела содержимое сумки. Нашла! Прилип к обложке паспорта! Ну, хоть что-то хорошее! На часах полдесятого, а она уже вымотанная до безумия. Девушка прикоснулась лбом к холодной поверхности стекла, посмотрела на свое отражение. Большие серые уставшие глаза глядели на нее с мокрой грязной дороги. Глаза цвета асфальта. Мама говорит, у Лары очень красивые глаза. Да какая в них красота, когда они так идеально сливаются с грязью? Нет в них ничего, кроме обреченности и усталости! Или есть? Лариса пытливо осмотрела свое отражение. Нет, внешность вроде нормальная: черты лица правильные, нос прямой, волосы длинные темно-каштановые, между прочим, именно такие, какими ее наделила природа, а не крашенные или мелированные. Брови тонкие, слегка приподнятые к вискам, нос и губы совсем обычные. Обычные... Но в том-то и дело, что вся ее жизнь подходила под определения «вроде ничего», «нормально», «обычное». Все у нее всегда обычно, то есть никак. Обычная работа, обычная жизнь, безразличное ко всему окружение...

– Ну что, нашла? – раздалось над самым ухом. Лара

вздрогнула и перевела взгляд на полную кондукторшу.

– Да. Вот, – она протянула проездной.

– Ну вот бы и сразу так. А то вечно насыют в сумки, не разберутся сами, – снова пробурчала женщина и, раздвигая толпу локтями, поплыла дальше.

Вроде ничего страшного, но настроение еще больше испортилось, и Лариса поставила себе пятый минус за сегодняшнее утро.

Через несколько минут троллейбус подкатил к станции метро. Лара вылезла из него, безрадостно оглядела серую скучную улицу с грязными тротуарами и нырнула вниз, в подземелье. Итак, трудовой день начался, и закончится он не скоро.

К счастью, место съемки для Лары было знакомое – ветбольничка у «Шаболовской». Правда, говорят, там сменился человек – в прошлый раз усатый дядечка был очень любезен, долго и витиевато отвечал на вопрос, а затем все пытался усадить их с оператором за чай. Сейчас, по слухам, там сидит женщина. Впрочем, какая разница, у кого брат синхрон? Один несущественный ответ на один несущественный вопрос на обширную тему: нападения собак на прохожих... Лара готова была зуб дать: у Алинки уже все написано и смонтировано, осталось только впихнуть этот маленький кусочек интервью в назревающий сюжет.

К ветбольничке Лара подбежала в пять минут одиннадцатого. Почти не опоздала. Ворвавшись внутрь, она оказалась

в широком вестибюле и вдруг наткнулась взглядом на одну из дверей, которую не замечала до этого дня. Дверь-то была непримечательной, а вот вывеска... «Три жирафа» – гордо сияло на золотистой металлической табличке. Лариса так и остолбенела. Откуда жирафы в декабрьской Москве? Что вообще это значит? Усилием воли оторвавшись от разглядывания странной вывески, девушка поспешила по коридору.

– Вы к кому? – поинтересовалась женщина в очках, проходящая мимо.

– Я на съемку. К Евгении Ивановне. Телевидение, – смутившись, произнесла Лара.

– На съемку? А где ваша камера? Документ покажите...

– Я забыла. И телефона нет, не могу оператору позвонить. Он уже здесь. Я надеюсь... – Лара чувствовала себя глупее некуда.

– Ну не знаю... – протянула женщина. – Мне откуда знать, что у вас назначено? Вы, девушка, пришли без документа, без камеры, а я вам на слово верить должна?

Лара опустила глаза. Неужели не пропустят? Тогда как же этот вопрос? Что скажет Алинка? Погонит ее взашей, и тогда все надежды рухнут...

– Ладно. Подождите тут, – сжалилась женщина, видимо, прочитав все тяжелые мысли на Ларином лице.

– А скажите, – набравшись мужества, спросила Лариса, – «Три жирафа» – это что? Какая-то ветеринарная служба, занимающаяся экзотическими животными?

Собеседница посмотрела на нее как на умалишенную.

– Девушка, вы что, действительно думаете, что попали в Африку? «Три жирафа» – это кафе. Для сотрудников, – добавила она поспешно. – Ждите здесь, сейчас схожу, узнаю по поводу пропуска!

– «Три жирафа»... – пробормотала Лара, когда женщина удалилась. – Ну да, не называть же кафе «Три хомячка»...

Время неумолимо летело. Летело так, как никогда, а сейчас была на счету каждая секунда. Ларе пять минут, что не было ветеринарши, показались пятью часами. Наконец, девушка услышала шаги. Это был Вадик: высокий, худощавый, с длинной прядью черных волос, спускающейся по лицу до самого уха, на котором поблескивала сережка. Вадик на студии был самым крутым (на Ларин взгляд) оператором и, к несчастью, чаще всего попадал на съемку с ней. К несчастью – потому что Лара робела и боялась его как огня. Она запинаясь, когда задавала вопрос, краснела, заранее предчувствуя, что провалит все дело, и страшно смущалась. А еще знала, что Вадик, дай только повод, обсуждает Ларино поведение в студии, выставляет ее на посмешище и несколько не стыдится. Стыдится почему-то она, стыдится и боится слово лишнее сказать. Вот и сейчас, увидев его, девушка потупила взгляд.

– Вот ты где? Пойдем! – Вадик жестом позвал ее за собой. Семеня за оператором, Лариса попыталась оправдаться: – Я телефон забыла. А про то, что съемка сдвинулась,

только утром узнала. Ты мне не сказал...

– Нам сюда, – не обращал никакого внимания на оправдания Вадик.

– А меня тут еще не пропускали. А та женщина, у которой синхрон брать, она уже ждет? Где камера?

– В Караганде, – сказал, как отрезал, Вадик.

– Шесть! – громко проговорила Лара, подсчитывая сегодняшние неудачи, и остановилась в узком коридоре.

– Вот сейчас он пройдет еще полкоридора и даже не заметит моего отсутствия... – прошептала себе под нос, не спуская взгляда с удалявшегося оператора. Вадик действительно уверенно двигал вперед, напрочь позабыв о бедной журналистке. Делать нечего, проглотив обиду, Ларе пришлось припустить за ним – работа не ждет.

Все уже было готово к началу съемки: камера стояла на штативе, стол прибран, за ним торжественно восседала интервьюер – некто Евгения Ивановна. Лара зашла в кабинет, поздоровалась.

– Я вам задам всего один вопросик: постарайтесь уложиться в двадцать-тридцать секунд, иначе придется подрезать. Хорошо? – улыбнувшись, спросила она.

Женщина в ответ внимательно осмотрела журналистку и холодно заметила:

– Вот как? Всего двадцать секунд? Мы вас, девушка, дольше ждали...

Лара онемела, не в силах ничего ответить, зато Вадик,

обычно такой молчаливый, вдруг проговорил:

– Вы не обижайтесь, Евгения Ивановна. У нас Лариса – человек новый. Иногда как ляпнет. Не привыкла еще с людьми общаться... Говорите столько, сколько считаете нужным.

Сказал и одарил Лару коротким, но таким прожигающим взглядом, что внутри у бедной девушки все зануло. Чего она не так сказала? Ведь слышала сама, что так говорят перед тем, как брать интервью... Алина ее прибьет!

Лара толком и не заметила, как прошла съемка. Семь неудач совершенно выбили ее из колеи, все ее мысли теперь вращались вокруг одного: так больше жить нельзя. Разве этих постоянных унижений она хотела, когда уезжала из родного дома, отрывалась от любимой мамочки, вселялась в московскую грязную общагу, училась на журфаке? Она мечтала доносить до людей истину, рассказывать об интересных событиях, делиться своими мыслями и эмоциями! А что получила? Должность подставки под микрофон, именуемую «помощником репортера»? И еще репортер какой попался – хуже не придумаешь. А ведь изначально Лариса хотела быть самостоятельным журналистом. На эту должность она пришла в телекомпанию. «Потерпите немного, вот вольетесь в работу, и тогда переведем вас», – пообещал директор. Конечно, Лариса тут же согласилась. Для нее это было настоящим счастьем. Директор сказал «немного» – значит, месяца два-три, не больше! Найти работу, да еще и без

опыта, сразу после окончания вуза – это же бесспорная удача! Теперь все пойдет отлично!

Только на этом везенье и закончилось. Удача махнула хвостом и ушла, позабыв о Ларе навсегда. Это «немного» уже вылилось не в три месяца и не в шесть, а в целый год, два месяца и две недели. И, кажется, пройдет еще год, но ничего не изменится.

В студию Лариса с оператором вернулись к полудню. Здесь, как всегда, царил хаос. Еще не дойдя до входной двери, они встретили съемочную группу, которая, пробегая мимо, еле удостоила их кивком и непонятным возгласом. На проходной, сидя на кожаном кресле, шушукались дизайнер Антоха, красавчик, и курносая хохотушка Танька. Пол-офиса шепталось, обсуждая нетрадиционную ориентацию Антона, у которого с Танькой тесная женская дружба: вместе ходят за духами и тряпками, вместе разносят сплетни. Впрочем, Лара особо не вникала – в конце концов, это не ее дело. Еле слышно поздоровавшись, она побрела на второй этаж, уже не пытаясь догнать ускользнувшего наверх оператора.

– Ларис, Алина тебя искала. Ругалась из-за какой-то кассеты! – крикнула ей вслед Таня, и Лара почувствовала, как застучало ее сердце – приближается восьмая беда.

Кассета! А взяла ли она ее вообще? С этой съемкой все наперекосяк. Остановившись, прислонив сумку к перилам,

девушка снова стала судорожно, уже в который раз, перетряхивать ее нутро. Слава богу, хоть в этом повезло – вот кассета, родимая, лежит!

Лара быстро упихала в сумочку все вылезшие из нее вещи и едва ли не галопом рванула на рабочее место.

– И где тебя черти носят?! – едва заскочив в журналистскую, услышала она вместо приветствия недовольный Алинин возглас.

Высокая, стройная, стильная девушка с иссиня-черными гладкими, как шелк, волосами, рассыпавшимися длинными прядями по покатым плечам, преградила ей дорогу. Если убрать этот злобный взгляд и змеиную настороженность в лице, Алинка была очень даже хороша изысканной, немного восточной красотой, именно такой, какой хотелось бы обладать самой Ларе. Однако сейчас в разъяренной Алине очарования было мало.

– Вадик уже полчаса назад пришел, а ты вечно, как тетеря сонная, еле ходишь. Ты хоть понимаешь, что из-за тебя монтаж стоит? Как я без этого синхрона монтировать буду? Где кассета? – орала она, не давая возможности оправдаться.

– Ну оставила бы место... – не сдержавшись, проговорила Лара. – Ты же сама вопрос придумывала. Да и ответ наверняка знала. По смыслу подобрала бы фразу...

– Она меня еще учить будет! – ехидно засмеялась Алина, повернувшись к Светке – своей закадычной подруге. – А что, может, сама смонтируешь, раз такая умная? Ты же, кажется,

на звание самостоятельного репортера претендуешь, да?

– Хи-хи-хи, – вкрадчиво рассмеялась Светка.

Лара вконец растерялась. Монтировать сюжет – это, конечно, ее мечта, но сейчас выходило как-то боком. Что это: шутки кобры или очередное испытание? Хотя, конечно, если б всерьез, то для нее, для Лары, представилась бы возможность показать себя профессионалом, способным на что-то большее, чем гонять из одного конца города в другой и задавать придуманные другими вопросы. Но самое главное – она смогла бы поработать с *ним*, с Кириллом! Сесть рядом, рассказать о том, как она представляет себе этот сюжет, а может, поговорить и на другие темы... Лариса домечталась до того, что представила, будто он даже пригласит ее сходить куда-нибудь вечером.

Девушка подняла глаза на ехидно усмехающуюся начальницу, и мечты ее развеялись. Нет, конечно, нет! Такого, что она напридумывала, нет и никогда быть не может. Кирилл никогда не обратит на нее внимания – это аксиома.

– Ну чего молчишь, репортер? Идешь вместо меня работать или нет? – ехидно смеясь, спросила Алина.

Лара уже окончательно вернулась с небес на землю. Отвернувшись, обвела унылым взглядом закрытое жалюзи окно и низкий навесной потолок с тусклыми лампочками, заливающими помещение блеклым, давящим на мозг, светом. Девушка чувствовала, что Алина не спускает с нее глаз, чувствовала в этом взгляде все презрение и издевку, но ниче-

го не могла поделаться. Лучше смотреть в сторону, разглядывать компьютеры, стоявшие длинным рядом. Или уволиться? Уволиться и уехать к маме, в Ахтубинск! Может, выход? Нажилась в Москве, хватит!

– Ладно, Аль, поржали и харэ! – встряла в разговор Светка. – Пойдем лучше покурим!

– Пойдем! – отозвалась Алина и снова обратилась к Ларе: – А ты в следующий раз потрудись приносить материал вовремя!

На Ларином языке вертелось много гадостей в ответ: сказать, чтобы начальница потрудилась сама ездить на съемки или то, чтобы предупреждала заранее о съемке, ведь это из-за этой гарпии ее, Ларино, сегодняшнее утречко было еще то. Но девушка ограничилась лишь виноватым «угу» – все равно не переспоришь, чего нервы тратить.

Она юркнула за свободный компьютер – за год так и не обзавелась своим. И дело тут не в ее нехозяйственности – дай ей волю, она бы, конечно, обзавелась. Разве плохо обладать и своим компом, и столом, и вращающимся удобным креслом, но вот только не дают, приходится делить одно место на всех – на всех таких же рабов, как и она, а их в студии пять человек.

Алинка все еще вертелась в кабинете – сначала искала сигареты, потом мобильник, затем что-то еще. Все вокруг нее суетились. Машка нашла телефон, Катька предложила свои сигареты. Прямо королева, а не репортер – аж противно.

– Ну что, кто на монтаж? – заглянув в журналистскую, спросил Кирилл.

Лара почувствовала, как краснеет. Она уткнулась в монитор, делая вид, будто увидела там что-то интересное, а сама краем глаза следила за монтажером. Худенький, светленький, небольшого роста – совсем не Ларин идеал. Знала бы она, что ее зацепит такой, как выражается мама, *окурок*, рассмеялась бы. А теперь, когда пульс зашкаливает от одного его вида, вовсе не до смеха. Да и важен ли рост, когда в Кирилле есть что-то особенное, нечто манящее. Наверное, это и называют изюминкой или мужской притягательностью. Вроде и смотреть не на что, а все бабы млеют...

– Я! Я! Я! – визгливо закричала Алинка, размахивая кассетой, и торжественно вручила ее Кириллу. – На, загони. Я щас курну и приду!

– Курить – здоровью вредить, – отозвался монтажер, принимая кассету, и вдруг, заметив Лару, добавил: – Привет, Ларис!

Она кивнула, не в силах ничего сказать. Вот это честь! С ней лично, в присутствии всех! «Привет, Ларис!» – простые слова, но *как* это прозвучало из его уст! Ласково, нежно, особенно! Такое приветствие вычеркивает три – нет, пять плохих случаев за сегодняшний день!

Пока Лара млела от этих слов, вернее, от его голоса, дверь в операторскую распахнулась.

– Привет! – поздоровалась с порога Анька, девушка с экс-

травагантной яркой внешностью, которая всегда удивляла офис своими немислимыми нарядами.

Сегодня она была в длинном балахоне с разрезами на локтях: то ли платье, то ли блузке, впрочем, наверное, все же платье, потому что юбки не наблюдалось – ноги облегли тонкие, похожие на колготки, лосины. Несмотря на наряды, Анька оказалась вполне неплохим человечком и стала единственным Ларисиним другом. Тоже новичок, работает не более полугода, правда, прикреплена она к другому журналисту – Свете. В этом смысле Ане повезло: Светка к своим помощницам относилась не в пример лучше Алины. Хотя, конечно, профессия все равно рабская. Порой Ларе казалось, что обе они – и сама Лариса, и Анька – выброшены из этого мира телевизионщиков, обе лишние. И за кого им держаться, если не друг за друга...

– Чего ты там смотришь? – заинтересовалась Анька, заглянув в Ларин монитор. – «Одноклассники»?

– Ага. Я там темку создала, – не отрываясь от компа, ответила та. Лара знала, Аня – заядлая форумчанка. Где она только не сидит! Между прочим, даже романы умудряется заводить в сетях.

– На фиг там сидеть! Пошли лучше чай попьем, посплетничаем. Новости расскажу!

Лариса настороженно огляделась вокруг – все были заняты своими проблемами, до них никому и дела нет.

– Пошли! – кивнула она в ответ.

Они тихонько вышли на кухню. Это было маленькое помещение, в котором только и помещались что угловой диванчик, крохотный стол и прикорнувшая на колченогой тумбочке микроволновка.

– Тебе, как обычно, зеленого, без сахара? – спросила Анька, разливая кипяток по кружкам.

– Угу, – отозвалась Лара.

– Фу, как ты пьешь эту гадость! Вообще не могу понять, как можно жить без кофе, – улыбнулась девушка.

Делая глоток обжигающего напитка, Лара вспомнила, что сегодня за весь день еще ничего и не ела. Может, от того такое жуткое настроение!

– Ну чего ты мне рассказать хотела? – напомнила она Ане.

– Прикинь, я тут на выходных знаешь кого видела?..

– Кого? – спросила Лариса без особого любопытства – просто потому, что подруга этого ждала.

– Здоров! – Дверь приоткрылась, и сквозь небольшую щель на кухню просунулась голова темноволосого парня с серьгой в ухе – фотограф Пашка из районной газеты, опять, видимо, по рабочим делам приперся. – К вам можно? – полупшепотом спросил он.

– Привет! Смотря для чего – мы тут вообще-то шушукаемся! – гордо закинув голову, ответила Анька и скорчила мину, означающую: «Ходят тут всякие. Мешают».

– Для чего? Ну, к примеру, позвать куда-нибудь погулять, – непонятно, то ли шутя, то ли всерьез проговорил Па-

вел.

Лара посмотрела на подругу – ни для кого не являлось секретом, что Пашка ухлестывает за Анькой. Только Ане он совсем не нравится, даже раздражает (по Анькиным словам, хотя Лара могла бы в этом усомниться: если подругу его внимание действительно так бесит, то откуда на ее лице эта самодовольная улыбка?).

– Не до прогулок сейчас! Паш, иди! – Аня досадливо махнула рукой.

Парень расстроился.

– Ну и ладно! – сказал он, а потом добавил: – Как дела вообще?

– Нормально! – Анька закатила глаза, демонстрируя, как ее достали навязчивые кавалеры. – Иди уже, дай поболтать!

Пашка тут же исчез в дверном проеме. Ларе почему-то стало его жалко.

– Зачем ты с ним так? – спросила девушка, ставя на стол чашку.

– Да ну его! – ответила Анька, сохраняя на лице самодовольную улыбку, и тут же вернулась к прежнему разговору: – Так вот! Видела Кирилла! По бульвару шел! А угадай с кем?

Теперь Лариса была действительно заинтересована. Сердце взволнованно заколотилось, а дышать стало трудно, словно она только что на время бежала стометровку.

– С кем? – выдавила из себя девушка.

– Ну, угадай! – не унималась подруга.

– Не знаю я. Да не томи! Рассказывай! – Ларе не терпелось услышать, а Анька, почувствовав себя на коне, видимо, решила ее помучить.

– Слушай, в тебе совсем нет журналистского чутья и желания самостоятельно узнавать что-то. Как ты вообще выбрала эту профессию? Давай, сама решай эту задачу!

– Да при чем здесь профессия? С кем Кирилл гулял?

Ларе было вовсе не до шуток.

– Да при том! Все при том! Вот ты здесь второй год работаешь, а что о своих коллегах знаешь? Что они все – гады ползучие, это ясно при первом взгляде. А вот копнуть! Даже Кирилл... Тебе он нравится, а много ли ты про него знаешь? Давно бы сама выяснила, чем он после работы занимается. Может, и не сидела бы сейчас с таким несчастным видом лягушки, недопревратившейся в принцессу!

– Тихо ты, – замялась Лара. – Не дай бог, услышат.

– Вот и я про то! Живешь в своем мире, боишься что-то изменить. Даже во внешности...

«Тук-тук-тук», – послышался легкий стук в дверь.

– Кого еще черт принес? – возмутилась почему-то раскрасневшаяся Анька. – Опять Пашка?

Однако через мгновение на пороге появился сотрудник рекламного отдела Гера. Вид его был странным – прическа необычная: круглая голова коротко острижена, а челка – длинная, выкрашенная в контрастный цвет, что подчеркивало и без того заметно вздернутый нос. Креативщик, лю-

битель фэнтези-фильмов и компьютерных игр, где борются добро и зло, целиком погруженный в свой мифический мир.

– Кто здесь не работает? – рыкнул он на девчонок.

Лара промолчала, зато Анютка отозвалась не менее любезно:

– Иди отсюда! Не твоего ума дело!

В ответ Гера повел себя очень даже странно – вытянул вперед руку и монотонно и устрашающе вдруг прокричал:

– Здесь нечистая сила! Изыди, дьявол!

Где-то вдали раздался смешок Алинки. Анька и Лара переглянулись так, словно увидели психа, а Гера пробормотал что-то еще и удалился.

– Вот придурок! Скоро он меня достанет, и я не постесняюсь в выражениях, – пробормотала Анька, когда наступила долгожданная тишина.

– Да уж... Ну так что, рассказывай! – Лариса не могла больше ждать. Пусть самое страшное уже наконец будет произнесено.

– Нет, попробуй сама, – упрямылась Анька. – Ты так и не угадала.

– С Танькой? – Лара знала, что иногда с подругой лучше не спорить.

– Не-а.

– С Герой? – сказала Лара и состроила брезгливую рожу.

– Нет. Ты больная, что ли? Ладно, скажу: с А...

– Алиной? – Лара вздрогнула. – Не может быть!

Кажется, стул покачнулся под ней, а чашка вдруг опрокинулась на стол... К счастью, чая в ней уже не было...

– Вот именно! – согласилась Аня. – Так что, подруга, выходит, у тебя нет шансов.

Анька говорила это так, что Ларе было непонятно – то ли подруга ликует, то ли сочувствует. На душе у Лары заскребли кошки.

– И почему все достается этой дуре? – мрачно произнесла она. – И что же они делали?

– Да ничего такого – просто гуляли, – пыталась успокоить ее Аня.

– Ну и ладно! – Лару уже совсем достал этот разговор. – Пусть разбираются сами. Мне как-то не до этого...

– Что случилось? Расстроилась, что ли? – Анька пытливо заглянула в глаза подруге.

– Да ничего, Ань, достало все! Уйду я, наверное...

– А как же Кирилл?

– А что Кирилл? Видишь, вот с Алинкой гуляет... Со мной только здороваются... Правда, как здороваются! – Лара закрыла глаза и засмеялась: – А вообще, Ань, сегодня счет восемь – один, в смысле, восемь неудач и одна удача.

Лара не успела договорить, потому что в дверь снова постучали.

– Блин, вы заколебали! – закричала Анька. – Покоя нет!

Дверь распахнулась, и на пороге, как тень отца Гамлета, возникла Алина.

– Чай распиваем! Работать когда будем? – холодные змеиные глаза нацелились на Лару.

– У меня до съемки еще полчаса в запасе... – стала оправдываться девушка.

– Полчаса? Ты лучше подумай, как не опозориться на съемке! Вадик мне рассказал, как ты с ветеринаршей поговорила, я чуть в обморок не упала! Это же надо так облажаться! – Алинка сверкнула бешеным взглядом. Нет, ну кобра, точно!

Дверь захлопнулась. Лара и Аня несколько минут просидели молча.

Стараясь не разреветься, Лара выжала из себя единственную фразу:

– Девять – один!

– Да, все-таки мне со Светкой больше повезло, – тихо заметила Анька. – Она хоть и сука порядочная, но все-таки пофигистка, а это тоже большое достоинство.

Вечером Лара возвращалась домой с единственной мыслью: не пора ли все менять? Анька завела речь про внешность, про ее дурацкий образ жизни, да замолчала, наверное, решила не обижать. Но Лара все равно уловила – даже подруга считает, что с ней что-то не так. Что она вообще тут делает? Пытается что-то доказать, пытается стать репортером. Лезет куда-то, а все с силой ее отпихивают. «Как ты вообще выбрала эту профессию?» – вспомнила Лара Анькин вопрос. И правда, как? Как так получилось? Сейчас трудно

объяснить. Может, надо было стать врачом? Или учителем? Или экономистом? Сидеть в офисе, бумажки перебирать... Наверное, серым невзрачным мышкам там как раз самое место...

Лара вошла в промозглую квартиру. За день здесь стало еще холоднее. Не снимая куртку, только скинув мягкие утги, девушка пробежала в комнату, врубила свет, телевизор, компьютер, затем кинулась на кухню, нажала на кнопку чайника. В какой-то передаче по телеку рассказывали, что включать чайник – вредная привычка, не уступающая даже привычке курения. Правда, сейчас Лара сделала это не по привычке, а под влиянием вполне естественного желания – согреться. Ей хотелось обнять ладонями чашку с дымящимся ароматным чаем, укутаться в теплое одеяло и позвонить маме по скайпу.

Лара кинула в кружку пакетик, залила кипятком, поежилась, пощупала батарею. Вот про что надо сюжеты снимать! Про безмозглую работу коммунальщиков! Может, завтра пойти в – как их там? – РЭП или ЖЭК поругаться? Да ну на фиг! Хватит ей ругани на работе.

Зажав в ладонях кружку, как и мечталось, она направилась в комнату. В сети скайпа уже горел ник «Ольга Матюшина». Пока звонок проходил, Лара соображала, что скажет маме. Всю правду! Что на работе все плохо, что устала, что хочет домой и что завтра, наверное, плюнет да уволится! И вообще она не журналист, а помощник корреспондента.

Типичный раб, за копейки пашущий на унижительной, бессмысленной должности. И никто не знает о том, что на самом деле Лариса талантливая, чувствительная и тонкая девушка. Что она пишет статьи, от которых у самой душа рывается, а однажды придумала историю любви и выложила ее в Интернете – и этот пост собрал столько отзывов, что даже сама Лара удивилась. Никому нет до этого дела, и Лариса может всю жизнь так и проторчать на подхвате, подтаскивая кирпичики для чужой карьеры и чужой славы...

Соединение наконец установилось.

– Алле, дочка! Ну слава богу! А я тебя с шести жду! Работы много?

– Ну да... А ты чего, пораньше домой пришла? – Лара решила собраться с духом, прежде чем вывалить на маму груз своих проблем.

– Да вот отпустили раньше сегодня, больных не так много.

– Ну и правильно, а то ты в последние дни жила в этой больнице. – Лара знала, что работа медсестры, очень тяжелая и мало оплачиваемая, все же позволяла ее семье сводить концы с концами, поэтому мама работала как проклятая, иногда действительно целыми сутками.

– Представляешь, иду я и знаешь кого вижу? Ирину Колесову, ну, твоей Наташки маму!

– И как она?

– Да никак, Наташка толком не работает – то там, то сям. Образования нет, оно и сказывается. Так и будет, как мать,

полы мыть. Спрашивала про тебя. Да ничего, говорю, работает Лара, журналистом, на канале известном.

Мама улыбнулась – ее лицо с круглыми щеками стало еще шире. А глаза – точно такие же, как у Лары, глубокие, серые, цвета мокрого асфальта, – смеялись. Лара видела, как мама ею гордится, и сердце вдруг защемило.

«И что я сейчас буду ей говорить? Что врала ей все это время? Мама-то думает, что живу я в квартире в центре, а не на отшибе, что питаюсь правильно, что от парней отбоя нет, а я только посылаю их налево и направо, и вообще, по ее мнению, жизнь моя полностью налажена...»

– Мужа у нее, у Наташки, нет. Да и где его тут возьмешь? Тут три калеки! – продолжала мама. – С работой плохо. Ну ты сама, Ларочка, знаешь. В общем, все тут, как всегда, серо и уныло! Ты-то там как?

– Нормально, – еле выдавила из себя Лариса. – Слушай, мам, я на Новый год приеду в гости, наверное.

– Да ты что? – Мама сделала такие глаза, словно испугалась одной этой мысли. – Даже не вздумай! Что в нашей глуши делать? В твои годы надо на праздниках в более интересных местах бывать, у нас тут даже и ухажеров нет. Иди лучше в ресторан с кем-нибудь...

«В ресторан с кем-нибудь. Был бы вариант. Но как маме об этом скажешь?»

– Мам, но может...

– И не вздумай! Все, заканчиваем тему. Давай о чем-ни-

будь другом поговорим...

Поболтав с мамой о том о сем, Лара совсем поникла. Даже домой не съездить. Во всем виноваты дурацкие вымыслы и желание не ударить в грязь лицом – живу, мол, хорошо, все превосходно. Но ведь хочется как лучше, чтобы мама не переживала. А получается, как всегда.

Жуть как захотелось плакать от одной мысли об одиноком празднике, но она прикусила губу и сдержалась. Пошарила в кармане, нащупала телефон, машинально набрала Анькин номер. Может, подруга хоть что-то подскажет...

– Алло! Давно не виделись! – бойко зазвенел Анюткин голос.

– У меня проблемы! И большие! – сбиваясь, охая, Лара стала пересказывать Аньке разговор с мамой.

– Да какая же это проблема! – засмеялась, дослушав, подруга. – Найди кого-нибудь – друга какого-нибудь – и гуляй праздники!

– Скажешь тоже – найди! Будто у меня их толпы под дверью стоят! И потом, ты же знаешь, мне какой-нибудь не нужен. Мне нужен он! – Лариса вздохнула и уставилась в зеркало, мысленно сравнивая себя с эффектной Алиной.

Сравнение, разумеется, не добавило оптимизма. Обыкновенная лабораторная мышь, скучнее не придумаешь!

– Так добивайся его! – В голосе подруги послышалось раздражение Лариной всегдашней покорностью. – Я все смотрю на тебя и удивляюсь: ты ничего не делаешь, а только взды-

хаешь...

– А что я должна делать? Вешаться ему на шею?

– Зачем вешаться? Надо потихонечку, с намеком. Поговорить, пошушукаться. Ну и ревность – тут нужен кто-то третий... Знаешь же, стоит появиться одному мужику, и другие подтянутся. Они как стадные животные – табуном за одной кобылой ходят. Им нужна конкуренция, адреналин, драйв...

– Сравнила! – хихикнула Лара. – Я тебе не кобыла! – Она вздохнула, уже представляя себе одинокий Новый год при зажженных свечах на этом самом старом диване. – Нет, надо смириться и признать, что я неудачница!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.